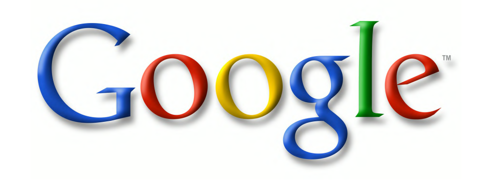

Н. П. Загоскинъ

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

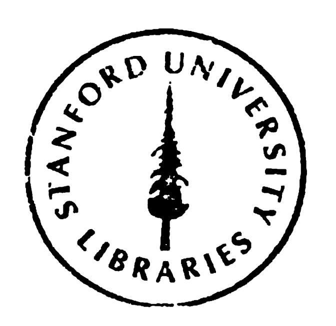
ВЪ КАЗАНИ.

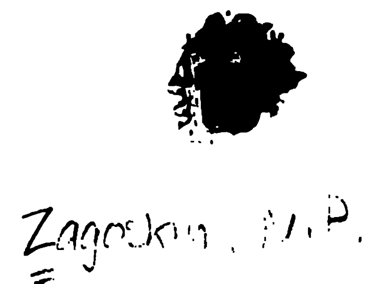

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго Университета
1898.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ КАЗАНИ

(1798-ОЙ ГОДЪ).

Историческій очеркъ, составленный ординарнымъ профессоромъ
Императорскаго Казанскаго университета

Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго университета.
1893.

Предлагаемый вниманію любителей русскаго историческаго знанія очеркъ, посвященный одному изъ весьма интересныхъ эпизодовъ непродолжительнаго царствованія Императора Павла I-го Петровича и воспоминанію о событіи, крайне знаменательномъ въ исторіи города Казани конца прошедшаго XVIII-го вѣка, первоначально печатался въ мѣстной газетѣ «Волжскій Вѣстникъ», въ ряду другихъ моихъ очерковъ, посвященныхъ казанской старинѣ.

Интересъ самого предмета, а равно новыя данныя, оказавшіяся частью въ имѣющихся у меня подъ руками неизданныхъ рукописныхъ источникахъ, а частью заключающіяся въ недавно только напечатанномъ въ журналѣ «Русская Старина» извлеченіи изъ «Журнала путешествія Императора Павла I въ Казань», хранящагося въ отдѣлѣ рукописей библіотеки Павловскаго дворца, побудили меня пересмотрѣть мой трудъ и, сдѣлавъ въ немъ необходимыя измѣненія и дополненія, выпустить его въ свѣтъ отдѣльною книжкою.

Въ концѣ настоящаго очерка приводятся мною свѣдѣнія объ историческомъ двѣнадцативесельномъ катерѣ, на которомъ прибылъ Императоръ Павелъ въ Казань, рѣкою Волгою, изъ Свіяжска, и который хранится въ настоящее время въ Казани, во дворѣ упраздненнаго мѣстнаго адмиралтейства.

Авторъ.

I.

1798-й годъ является годомъ весьма знаменательнымъ въ исторіи Казани: въ концѣ мая этого года, городъ этотъ въ теченіе цѣлой недѣли видѣлъ въ стѣнахъ своихъ Императора Павла I Петровича.

Это было наиболѣе продолжительное изъ всѣхъ пребываній въ Казани Высочайшихъ Особъ.

Пребываніе въ Казани Императора Павла I знаменательно для этого города и тѣми милостями, которыя оказаны были ему Монархомъ и о которыхъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе сказано будетъ нами: „Отмѣнныя въ Казани были милости, каковыхъ въ Москвѣ и въ прочихъ городахъ не было, — пишетъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ событія. — Пресчастливая Казань,—патетически восклицаетъ онъ,—многіе завидовать станутъ участи твоей!“ [1]).

Казань произвела на Императора Павла самое благопріятное впечатлѣніе. Государь публично высказался, что „ему сказано было о народѣ въ Казани, что—грубый, но онъ, напротивъ, нашелъ много обходительныхъ и просвѣщенныхъ, а паче дамъ: и въ самой Москвѣ таковыхъ мало находилъ“... Государь былъ во все время пребыванія своего въ Казани въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

---

[1]) ‹ П. Бартенева, кн. IV, стр. 468.

[illegible] — [illegible] Импе- [illegible]

[illegible] Императора Павла [illegible] военной [illegible] Императора Павла [illegible]

[illegible] как [illegible] Императора Павла I [illegible] на которое [illegible]. Хорошо известны и [illegible] военной дисциплины, которых [illegible] царствование: „За безделицу [illegible] в крѣпость и ссыла- [illegible] в своихъ мемуарахъ Л. Н. Энгель- [illegible] на себѣ испытавшій суровость [illegible]. Аресты считались за ничто; [illegible] арестованныхъ разомъ [illegible]. [illegible] Императоръ Павелъ не былъ [illegible]

мятнымъ; присущія ему и находящія себѣ объясненіе въ прошлой жизни его вспышки раздражительности — никогда не были продолжительными. „Если гнѣвъ Государя сколько нибудь замедлитъ наказаніемъ, — свидѣтельствуетъ тотъ же современникъ, — то тѣ же самые люди не только приходили въ милость, но осыпались и благодѣяніями; можно сказать, что онъ совсѣмъ не былъ злопамятенъ,—бывали времена, и не рѣдко, когда онъ показывалъ благородную душу и къ добру расположенное сердце" [1]).

Подобно своему родителю, Императоръ Павелъ былъ фанатичнымъ приверженцемъ нѣмецкаго милитаризма. Вся армія была, тотчасъ же по вступленіи его на престолъ, переодѣта въ прусскіе мундиры, солдатскія головы были украшены пудреными „пуклями"; извѣстно, что эти новшества были сильно не по-душѣ старику Суворову, который говаривалъ по этому поводу: „Пукли—не пушка, коса—не тесакъ, а я—не пруссакъ; я фельдмаршалъ въ полѣ, а не при паролѣ".... Введенъ былъ въ войскахъ и прусскій военный уставъ, который установлялъ совершенно новый родъ службы, не въ одномъ только Суворовѣ вызывавшій чувство недовольства: „Старые генералы,—свидѣтельствуетъ Энгельгардтъ,—не болѣе знали новую службу, какъ и вновь произведенные прапорщики; старымъ людямъ, сдѣлавшимъ навыкъ къ прежнему обряду, трудно было не только отправлять ее, но даже и понять". Гатчинскія гвардейскія войска, вымуштрованныя по прусскому образцу, были въ то время, какъ извѣстно, идеаломъ воинской выправки и дисциплины. Во всѣ инспекціи разосланы были, для обученія мѣстныхъ войскъ новому строю и порядку службы, гатчинскіе генералы и штабъ-офицеры. Въ Оренбургскую (и Сибирскую) инспекцію посланъ былъ съ

[1]) Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1868, стр. 198.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

начальниковъ, съ генераломъ Игельстромомъ во главѣ. Екатеринбургскій полкъ прошелъ прямо къ Казани. Уфимскій и Рыльскій полки стянулись къ селу Алексѣевскому (въ Лаишевскомъ уѣздѣ, въ 101 верстѣ отъ Казани), принадлежавшему помѣщику Сахарову и въ которомъ въ то время считалось до 3 тысячъ душъ, и здѣсь пережидали всю весеннюю распутицу, отдыхая и обучаясь, чтобы имѣть возможность во всей исправности предстать передъ Императоромъ.

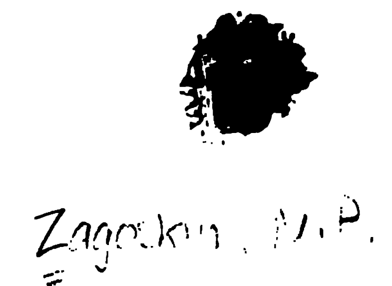
Въ с. Алексѣевскомъ генералъ Игельстромъ даромъ времени не терялъ. Вахтъ-парады и смотры быстро слѣдовали одинъ за другимъ.

Любопытный эпизодъ разсказываетъ Л. Н. Энгельгардтъ изъ времени пребыванія войскъ въ селѣ Алексѣевскомъ. Однажды, во время вахтъ-парада, генералъ Игельстромъ вздумалъ сдѣлать фронтовое построеніе по новому уставу, но — увы! — или самъ престарѣлый генералъ оказался не на высотѣ новыхъ служебныхъ требованій, или войска въ недостаточной степени усвоили себѣ новый уставъ, но въ результатѣ оказалось лишь разстройство всѣхъ отдѣльныхъ частей Уфимскаго полка, еще лучше всѣхъ обученнаго гатчинскому строю, какъ мы это только что видѣли.

— Я несчастный!—въ отчаяніи возопилъ старикъ.—Государь исключитъ меня изъ службы и этимъ буду я обязанъ этому полку....

Была у генерала Игельстрома и другая забота: онъ буквально измучилъ полковыхъ парикмахеровъ, заставляя, чтобы лучше угодить Государю, причесывать „въ двѣ букли“ Рыльскій полкъ, котораго онъ былъ шефомъ. При этомъ старикъ постоянно твердилъ генералъ-майору А. Ѳ. Ланжерону, шефу Уфимскаго полка:

— Боюсь за васъ,—накладныя букли изъ шляпъ Государь ...ъ, и вы увидите, что за то вамъ будетъ бѣда...

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ КАЗАНИ

(1798-ой годъ).

Историческій очеркъ, составленный ординарнымъ профессоромъ
Императорскаго Казанскаго университета

Н. П. ЗАГОСКИНЫМЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Казанскаго университета.
1893.

Предлагаемый вниманію любителей русскаго историческаго знанія очеркъ, посвященный одному изъ весьма интересныхъ эпизодовъ непродолжительнаго царствованія Императора Павла I-го Петровича и воспоминанію о событіи, крайне знаменательномъ въ исторіи города Казани конца прошедшаго XVIII-го вѣка, первоначально печатался въ мѣстной газетѣ «Волжскій Вѣстникъ», въ ряду другихъ моихъ очерковъ, посвященныхъ казанской старинѣ.

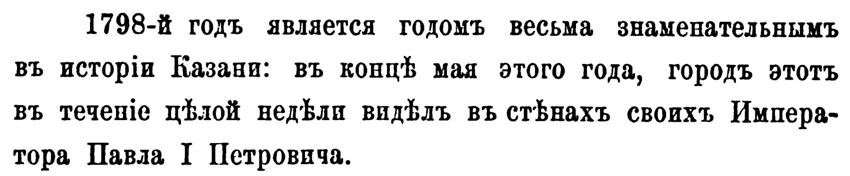
Интересъ самого предмета, а равно новыя данныя, оказавшіяся частью въ имѣющихся у меня подъ руками неизданныхъ рукописныхъ источникахъ, а частью заключающіяся въ недавно только напечатанномъ въ журналѣ «Русская Старина» извлеченіи изъ «Журнала путешествія Императора Павла I въ Казань», хранящагося въ отдѣлѣ рукописей библіотеки Павловскаго дворца, побудили меня пересмотрѣть мой трудъ и, сдѣлавъ въ немъ необходимыя измѣненія и дополненія, выпустить его въ свѣтъ отдѣльною книжкою.

Въ концѣ настоящаго очерка приводятся мною свѣдѣнія объ историческомъ двѣнадцативесельномъ катерѣ, на которомъ прибылъ Императоръ Павелъ въ Казань, рѣкою Волгою, изъ Свіяжска, и который хранится въ настоящее время въ Казани, во дворѣ упраздненнаго мѣстнаго адмиралтейства.

Авторъ.

I.

1798-й годъ является годомъ весьма знаменательнымъ въ исторіи Казани: въ концѣ мая этого года, городъ этотъ въ теченіе цѣлой недѣли видѣлъ въ стѣнахъ своихъ Императора Павла I Петровича.

Это было наиболѣе продолжительное изъ всѣхъ пребываній въ Казани Высочайшихъ Особъ.

Пребываніе въ Казани Императора Павла I знаменательно для этого города и тѣми милостями, которыя оказаны были ему Монархомъ и о которыхъ въ своемъ мѣстѣ подробнѣе сказано будетъ нами: „Отмѣнныя въ Казани были милости, каковыхъ въ Москвѣ и въ прочихъ городахъ не было, — пишетъ по этому поводу одинъ изъ современниковъ событія. — Пресчастливая Казань,—патетически восклицаетъ онъ,—многіе завидовать станутъ участи твоей!“ [1]).

Казань произвела на Императора Павла самое благопріятное впечатлѣніе. Государь публично высказался, что „ему сказано было о народѣ въ Казани, что—грубый, но онъ, напротивъ, нашелъ много обходительныхъ и просвѣщенныхъ, а паче дамъ: и въ самой Москвѣ таковыхъ мало находилъ“... Государь былъ во все время пребыванія своего въ Казани въ особенно хорошемъ расположеніи духа.

---

[1]) «Осмьнадцатый Вѣкъ», изд. П. Бартенева, и

„Блаженна ты, Казань!“ — еще разъ восклицаетъ тотъ же современникъ, заканчивая свое описаніе пребыванія Императора Павла въ нашемъ городѣ.

Цѣль прибытія Императора Павла въ Казань и такого продолжительнаго пребыванія его здѣсь была чисто спеціальная — Высочайшій смотръ войскамъ Оренбургской военной инспекціи. Вся армія дѣлилась въ то время на „инспекціи“. Оренбургская инспекція вѣдала войска, расположенныя въ губерніяхъ: Оренбургской, Казанской, Уфимской и Пермской. Въ 1797-мъ году, слѣдовательно въ годъ, предшествовавшій посѣщенію Императоромъ Павломъ Петровичемъ Казани, переименованы были въ полки, съ соединеніемъ ихъ по два, бывшіе шесть оренбургскихъ полевыхъ батальоновъ, и такимъ образомъ образовались три полка — Рыльскій, Уфимскій и Екатеринбургскій, причемъ оренбургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, съ званіемъ инспектора мѣстныхъ войскъ и шефа перваго изъ этихъ полковъ, былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи Игельстромъ. Генеральный смотръ или, какъ выражались въ то время—„ревю“ этихъ вновь сформированныхъ пѣхотныхъ частей и привлекъ Императора Павла въ Казань въ концѣ мая 1798 года.

Извѣстно, какъ интересовало Императора Павла I военное дѣло, которому онъ отдавался всею душою, на которое были направлены его неусыпныя заботы. Хорошо извѣстны и тѣ строгости военнаго режима и воинской дисциплины, которыми было ознаменовано это царствованіе: „За бездѣлицу исключались изъ службы, заточались въ крѣпость и ссылались въ Сибирь,—пишетъ въ своихъ мемуарахъ Л. Н. Энгельгардтъ (1766—1836 гг.), лично на себѣ испытавшій суровость военнаго режима того времени. Аресты считались за ничто; бывало по нѣсколько генераловъ арестованныхъ разомъ на гауптвахтѣ“. Но за то Импараторъ Павелъ не былъ злопа-

мятнымъ; присущія ему и находящія себѣ объясненіе въ прошлой жизни его вспышки раздражительности — никогда не были продолжительными. „Если гнѣвъ Государя сколько нибудь замедлитъ наказаніемъ, — свидѣтельствуетъ тотъ же современникъ, — то тѣ же самые люди не только приходили въ милость, но осыпались и благодѣяніями; можно сказать, что онъ совсѣмъ не былъ злопамятенъ, — бывали времена, и не рѣдко, когда онъ показывалъ благородную душу и къ добру расположенное сердце" [1]).

Подобно своему родителю, Императоръ Павелъ былъ фанатичнымъ приверженцемъ нѣмецкаго милитаризма. Вся армія была, тотчасъ же по вступленіи его на престолъ, переодѣта въ прусскіе мундиры, солдатскія головы были украшены пудреными „пуклями"; извѣстно, что эти новшества были сильно не по-душѣ старику Суворову, который говаривалъ по этому поводу: „Пукли — не пушка, коса — не тесакъ, а я — не пруссакъ; я фельдмаршалъ въ полѣ, а не при паролѣ".... Введенъ былъ въ войскахъ и прусскій военный уставъ, который установлялъ совершенно новый родъ службы, не въ одномъ только Суворовѣ вызывавшій чувство недовольства: „Старые генералы, — свидѣтельствуетъ Энгельгардтъ, — не болѣе знали новую службу, какъ и вновь произведенные прапорщики; старымъ людямъ, сдѣлавшимъ навыкъ къ прежнему обряду, трудно было не только отправлять ее, но даже и понять". Гатчинскія гвардейскія войска, вымуштрованныя по прусскому образцу, были въ то время, какъ извѣстно, идеаломъ воинской выправки и дисциплины. Во всѣ инспекціи разосланы были, для обученія мѣстныхъ войскъ новому строю и порядку службы, гатчинскіе генералы и штабъ - офицеры. Въ Оренбургскую (и Сибирскую) инспекцію посланъ былъ съ

---

[1]) Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1868, стр. 198.

этою цѣлью майоръ Эртель,—впослѣдствіе (1812—1808 гг.) извѣсный петербургскій оберъ—полицеймейстеръ.

Не легко давалась мѣстнымъ войскамъ новая служба. Особенно непонятнымъ оказался въ этомъ отношеніи Рыльскій полкъ: „Штабъ-офицеры Рыльскаго полка были состарѣвшіеся на прежней службѣ, а потому, что онъ (т. е. майоръ Эртель) имъ ни показывалъ и ни толковалъ, они ничего не поняли",—говоритъ Энгельгардтъ. Успѣшнѣе шло дѣло въ Уфимскомъ полку, въ которомъ Л. Н. Энгельгардтъ командовалъ батальономъ: „Мы не удовольствовались словесными толкованіями, а, сформировавъ батальонъ, потребовали, чтобы онъ (Эртель) показалъ все сказанное въ уставѣ". Уфимскій полкъ одолѣлъ гатчинскую науку, но Рыльскій полкъ никакъ не могъ превозойти ее и продолжалъ учиться по старому уставу, чѣмъ впослѣдствіи, въ Казани, и вызвалъ неудовольствіе Императора [1]. Но объ этомъ ниже.

Уже въ самомъ началѣ 1798-го года стало извѣстно, что весною посѣтитъ Казань. для смотра войскъ Оренбургской инспекціи, Императоръ Павелъ Петровичъ, а въ февралѣ полки этой дистанціи получили предписаніе идти „на ревю" въ Казань.

Далеко не съ спокойною душою двинулись полки, по зимнему пути, по направленію въ Казани; командиры отдѣльныхъ частей трепетали за себя и за свои части, наспѣхъ и съ грѣхомъ пополамъ обученныя новому прусскому уставу... Томительная неизвѣстность тяготѣла на сердцахъ злополучныхъ

[1]) Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 197 и слѣд.

начальниковъ, съ генераломъ Игельстромомъ во главѣ. Екатеринбургскій полкъ прошелъ прямо къ Казани. Уфимскій и Рыльскій полки стянулись къ селу Алексѣевскому (въ Лаишевскомъ уѣздѣ, въ 101 верстѣ отъ Казани), принадлежавшему помѣщику Сахарову и въ которомъ въ то время считалось до 3 тысячъ душъ, и здѣсь переждали всю весеннюю распутицу, отдыхая и обучаясь, чтобы имѣть возможность во всей исправности предстать передъ Императоромъ.

Въ с. Алексѣевскомъ генералъ Игельстромъ даромъ времени не терялъ. Вахтъ-парады и смотры быстро слѣдовали одинъ за другимъ.

Любопытный эпизодъ разсказываетъ Л. Н. Энгельгардтъ изъ времени пребыванія войскъ въ селѣ Алексѣевскомъ. Однажды, во время вахтъ-парада, генералъ Игельстромъ вздумалъ сдѣлать фронтовое построеніе по новому уставу, но — увы! — или самъ престарѣлый генералъ оказался не на высотѣ новыхъ служебныхъ требованій, или войска въ недостаточной степени усвоили себѣ новый уставъ, но въ результатѣ оказалось лишь разстройство всѣхъ отдѣльныхъ частей Уфимскаго полка, еще лучше всѣхъ обученнаго гатчинскому строю, какъ мы это только что видѣли.

— Я несчастный!—въ отчаяніи возопилъ старикъ.—Государь исключитъ меня изъ службы и этимъ буду я обязанъ этому полку....

Была у генерала Игельстрома и другая забота: онъ буквально измучилъ полковыхъ парикмахеровъ, заставляя, чтобы лучше угодить Государю, причесывать „въ двѣ букли“ Рыльскій полкъ, котораго онъ былъ шефомъ. При этомъ старикъ постоянно твердилъ генералъ-майору А. Ѳ. Ланжерону, шефу Уфимскаго полка:

— Боюсь за васъ,—накладныя букли изъ шляпъ Государь не любитъ, и вы увидите, что за то вамъ будетъ бѣда...

„Но если бы было и такъ,—пишетъ Л. Н. Энгельгардтъ, —выучить въ три недѣли парикмахеровъ было невозможно, да и безъ того полки были въ страхѣ, знавъ, что когда Государь бывалъ въ дурномъ расположеніи, что случалось не рѣдко, какъ бы полкъ ни былъ исправенъ, все было не въ угоду“... [1]).

Войска простояли въ с. Алексѣевскомъ до половины мая, дѣятельно готовясь къ предстоящему имъ царскому „ревю“. Во второй половинѣ мая они переправились черезъ р. Каму и пошли къ Казани.

Въ то же самое время, съ запада, уже направлялся къ нашему городу Императоръ Павелъ Петровичъ, въ сопровожденіи двухъ сыновей своихъ — Великаго Князя Александра Павловича и Великаго Князя Константина Павловича...

Въ библіотекѣ дворца города Павловска, въ отдѣлѣ рукописей, хранится „Журналъ Высочайшаго путешествія Его Императорскаго Величества въ Казань чрезъ Москву и обратно чрезъ Ярославль и Тихвинъ, бывшаго въ 1798 году, съ 5-го мая по 12-ое іюня“. Этотъ манускриптъ представляетъ собою переплетенную въ красный сафьянъ книгу in 4° (185 страницъ), съ картою путешествія Императора Павла Петровича, съ планами городовъ и видами различныхъ мѣстностей, скрѣпленную подписью вице-адмирала Кушелева. Въ 1873-мъ году, съ разрѣшенія въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Константина Николаевича, покойнымъ М. И. Семевскимъ сдѣланы были изъ этой интересной рукописи извлеченія, появившіяся въ печати въ октябрьской книжкѣ „Русской Старины“ за 1892-й годъ. Эти извлеченія даютъ мало новаго относительно пребыванія въ Казани Императора Павла I

[1]) Записки Л. Н. Энгельгардта, стр. 205 и слѣд.

сравнительно съ тѣми источниками, которые уже имѣлись въ нашемъ распоряженіи, но мы находимъ въ нихъ интересныя свѣдѣнія, касающіяся самого путешествія Высочайшихъ особъ въ Казань и обратно, которыми мы, въ извлеченіяхъ, и будемъ ниже пользоваться.

Императоръ Павелъ Петровичъ, въ сопровожденіи Великихъ Князей и свиты, выѣхалъ изъ Павловска 5 мая 1798 года, въ 7 часовъ 20 минутъ утра, въ „дорожной колясочкѣ", — какъ выражается только это упомянутый нами источникъ. Эта „дорожная колясочка"—была настоящимъ походнымъ кабинетомъ Императора: въ ней слушалъ онъ, во время пути, доклады, давалъ Высочайшія повелѣнія и приказы, принималъ начальствующихъ лицъ и депутаціи; даже во время дороги работалъ Государь въ этой исторической „колясочкѣ".

Въ тотъ же день Императоръ имѣлъ ночлегъ въ Новгородѣ, съ 6-го на 7-ое мая—въ Валдаѣ, съ 7-го на 8-ое—въ Твери, а 10-го мая Императоръ былъ уже въ Москвѣ. Здѣсь происходилъ 12-го числа большой военный смотръ, на которомъ парадировало до 23-хъ тысячъ войска и которымъ Государь остался настолько доволенъ, что во время смотра „нѣсколько разъ показывались у Его Императорскаго Величества радостныя слезы"; съ 13-го по 15-ое мая имѣли мѣсто большія маневры у Сокольничьей заставы. По словамъ оффиціальнаго журнала, пребываніе Императора Павла Петровича въ Москвѣ ознаменовалось многочисленными производствами въ чины и наградами орденами.

16 мая Императоръ выѣхалъ изъ Москвы, 17-го былъ во Владимірѣ, 19-го ночевалъ въ г. Муромѣ, 20-го прибылъ въ Нижній Новгородъ, а на 22-ое мая имѣлъ ночлегъ въ с. Осташихѣ, Макарьевскаго уѣзда Нижегородской губерніи, въ 138-ми верстахъ отъ Нижняго. Здѣсь,—по словамъ „Жур-

нала“,—Государь, „усмотря, что дороги для его проѣзда проложены вновь и мосты вновь же передѣлованы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлали и мостовыя и земляныя дороги, вдвойнѣ, безъ нужды, изволилъ писать о томъ къ нижегородскому губернатору, равно данъ указъ и сенату, что бы ненужными работами жителей не изнурять“ [1])....

II.

Августѣйшіе гости приближались къ казанскимъ предѣламъ по нижегородскому тракту — правымъ берегомъ Волги. На сколько великъ былъ царскій кортежъ видно изъ того, что на каждой станціи выставлялось подъ него четыреста лошадей [2]). Въ числѣ знатныхъ особъ Императорской свиты находились: графъ Кутайсовъ, Кушелевъ, Нелединскій, Обрѣзковъ и др.

Императорскій поѣздъ вступилъ въ предѣлы Казанской губерніи 22-го мая, между нынѣшними почтовыми станціями Сумки и Козмодемьянскъ.

Козмодемьянскъ былъ первымъ городомъ Казанской губерніи, лежавшимъ на пути [3]). Въ Троицкомъ посадѣ,—въ семи верстахъ не доѣзжая Козмодемьянска,—произошла первая торжественная встрѣча Императора населеніемъ Казанской губерніи. Жители посада на рукахъ внесли въ гору экипажъ Императора Павла Петровича, а женщины очищали съ него пыль своими платками. Одинъ изъ посадскихъ, купецъ Шмаковъ, уцѣпился руками за царскій экипажъ и на значительное пространство сопровождалъ его такимъ образомъ; Госу-

---

[1]) «Русская Старина» 1892 г., кн. X-ая.

[2]) «18-ый вѣкъ», кн. IV, стр. 465.

[3]) По словамъ «Журнала», въ г. Козмодемьянскѣ въ 1798 году, было: 2 каменныхъ и 744 деревянныхъ домовъ, 4 каменныя и 1 деревянная церковь; купцовъ 392, мѣщанъ 717, прочихъ званій—до 900 человѣкъ.

дарь милостиво бесѣдовалъ съ нимъ во все это время, распрашивая о состояніи посада и о имѣющихся въ немъ промыслахъ. Въ Козмодемьянскѣ, по распоряженію городничаго и городскаго головы, всѣ граждане обоего пола ожидали Императорскій кортежъ на горѣ, у собора, гдѣ находились и казанскіе депутаты, прибывшіе сюда для привѣтствованія Государя; женщины были наряжены въ кокошники и золотыя фаты. Весь народъ былъ разставленъ по обѣимъ сторонамъ первой отъ собора улицы, по которой долженъ былъ слѣдовать царскій поѣздъ. Городничій встрѣтилъ Императора у городской заставы. Кортежъ въѣхалъ въ городъ подъ звуки колокольнаго звона, сопровождаемый восторженными кликами народныхъ массъ. Квартира для Высочайшихъ особъ была приготовлена противъ Успенской церкви, въ деревянномъ двухъэтажномъ домѣ почетнаго мѣстнаго купца Ѳедора Петровича Колесникова. Домъ этотъ существовалъ еще въ 1852 году и принадлежалъ въ то время бургомистру городоваго магистрата А. П. Замошникову, слылъ подъ названіемъ „царскаго дворца“ и былъ въ 50-хъ годахъ предназначенъ, по новому плану города, къ сломкѣ.

По прибытіи Высочайшихъ особъ въ приготовленную для нихъ квартиру, — около 5 часовъ пополудни, — послѣдовалъ пріемъ мѣстнаго муниципалитета и казанскихъ депутатовъ. Первымъ представлялся козмодемьянскій градской глава Ермолаевъ, удостоившійся счастья поднести Государю хлѣбъ-соль. Императоръ Павелъ Петровичъ былъ очень веселъ и милостиво разговаривалъ съ окружающими. Государь изъявилъ во время бесѣды желаніе отвѣдать волжской воды. Нѣсколько человѣкъ гражданъ тотчасъ же поѣхали за нею на лодкѣ, съ боченкомъ, на середину рѣки, такъ какъ у береговъ вода, вслѣдствіе половодья, была не совсѣмъ чиста; Императоръ Павелъ Петровичъ выпилъ этой воды и съ по-

хвалою отозвался объ ней. Волга, находившаяся въ разливѣ и покрытая множествомъ судовъ, оченъ заинтересовала собою Императора: онъ долго любовался ею изъ окна и, подозвавъ купца Ивана Миневча Загороднова, долго распрашивалъ его о направленіи волжской хлѣбной торговли.

Въ Козмодемьянскѣ Императоръ ночевалъ, а на слѣдующее утро, отслушавъ раннюю обѣдню въ приходской Успенской церкви и милостиво простившись съ гражданами, отбылъ изъ города: купецъ Колесниковъ, хозяинъ дома, въ которомъ останавливались Высочайшія особы, былъ пожалованъ осыпанными жемчугомъ золотыми часами [1]).

Отъѣхавъ 63 версты отъ Козмодемьянска, Высокіе путешественники имѣли обѣденный столъ въ г. Чебоксарахъ [2]), въ домѣ купца Илеева, также пожалованнаго за постой золотыми часами. Переночевавъ въ черемиской деревнѣ Аккозино [3]), гдѣ Государь останавливался въ наскоро приспособленной для Высочайшаго гостя простой крестьянской избѣ, Императоръ Павелъ Петровичъ 24-го мая, къ обѣденному времени, прибылъ въ городъ Свіяжскъ [4]).

Свіяжскъ былъ мѣстомъ послѣдней остановки Государя передъ Казанью. Здѣсь Императоръ Павелъ Петровичъ долженъ былъ обѣдать, а затѣмъ выѣхать въ Казань, о чемъ казанскіе жители и были извѣщены особою повѣсткою. По первоначальному маршруту, переѣздъ Императора отъ Свіяжска

---

[1]) «Повѣсть о пребываніи въ городѣ Козмодемьянскѣ Государя Императора Павла Петровича», записанная С. Михайловымъ со словъ очевидца событія (Казан. Губ. Вѣдом. 1852 г., № 2).

[2]) По свѣдѣніямъ, приводимымъ въ «Журналѣ», г. Чебоксары имѣлъ въ то время: купцовъ — до 3000 чел., мѣщанъ — до 1000 чел., и болѣе 100 чел. разночинцевъ; въ городѣ числилось 12 церквей, 2 монастыря и 415 домовъ, въ томъ числѣ 15 каменныхъ.

[3]) Почтовая станція казанско-нижегородскаго тракта, въ 335-ти верстахъ отъ Нижняго и въ 80-ти верстахъ отъ Казани.

[4]) «Русская Старина» 1892 г., кн. X-ая.

до Казани предполагался сухопутно, но утомленный долгою дорогою и въ видахъ большаго спокойствія, Императоръ Павелъ Петровичъ выразилъ желаніе спуститься до Казани рѣкою Волгою. За подходящимъ для путешествія судномъ дѣло остановиться не могло: въ Казани существовало въ то время адмиралтейство, въ распоряженіи котораго имѣлось достаточное количество судовъ; если допустить, что въ оффиціальныхъ кружкахъ существовало уже заранѣе предположеніе о возможности прибытія Императора въ Казань водою, то для мѣстнаго адмиралтейства оставалось достаточно времени для приспособленія къ путешествію Высочайшихъ особъ того катера, на которомъ прибылъ въ Казань Императоръ Павелъ и который до настоящаго времени хранится во дворѣ бывшаго адмиралтейства, въ особомъ зданіи, вмѣстѣ съ галерою „Тверь", на которой путешествовала въ 1767 г. по Волгѣ Императрица Екатерина II [1]). Согласно совершившемуся измѣненію въ маршрутѣ, экипажи царскаго кортежа были утромъ 24 мая отправлены въ Казань сухопутно, а Императоръ Павелъ, съ Великими Князьями и почетными лицами свиты, отобѣдавъ въ Свіяжскѣ, въ тотъ же день направился въ Казань водою.

По желанію Императора, въ Казани не должно было быть ни церемоніальной встрѣчи, ни большихъ скопищъ народа. Не смотря на это, уже съ утра многія тысячи казанскихъ жителей усѣяли собою откосъ кремля, мостъ на р. Казанкѣ и берега самой рѣки. Массы народа не знали объ измѣненіи порядка въѣзда Императора въ Казань и съ недоумѣніемъ взирали на придворные экипажи, которые уже съ 3-го часа пополудни стали въѣзжать въ городъ и въ которыхъ не было Государя.

Наконецъ, въ исходѣ шестаго часа дня, на рѣкѣ Ка-

---

[1]) Ниже приводится нами, въ особомъ приложеніи, подробное описаніе этого историческаго катера.

занкѣ, по направленію отъ Волги, показался Императорскій катеръ. У моста, находящагося подъ Тайницкою кремлевскою башнею, была устроена временная пристань, на которой ожидали Государя военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Борисъ Петровичъ де-Ласси, комендантъ генералъ-маіоръ Павелъ Петровичъ Пущинъ І-й, полковникъ Татариновъ и другіе представители военной власти. Но тутъ произошла маленькая непріятность, которая должна была, тѣмъ не менѣе, вызвать немалое смущеніе въ мѣстныхъ властяхъ: не доѣзжая пристани, Императорскій катеръ, — морской конструкціи, а потому и съ глубокою осадкою, — сѣлъ на мель. На мѣсто катастрофы тотчасъ же бросились отъ берега лодочники, и Императоръ Павелъ Петровичъ благополучно достигъ берега уже въ простой, незатѣйливой, лодчонкѣ.

Ровно въ 6 часовъ пополудни Императоръ вступилъ на помостъ пристани. Подавая Государю рапортъ, военный губернаторъ де-Ласси палъ на колѣни; всѣ остальныя власти и народъ послѣдовали его примѣру. Высочайшіе гости намѣревались, повидимому, слѣдовать отъ пристани въ Кремль, къ каѳедральному собору, пѣшкомъ, но, по словамъ одного современнаго описанія, „глупый народъ такъ стѣснилъ Государя, что, подошедши къ сдѣланной гауптвахтѣ, онъ спросилъ карету“. Императору подана была карета князя Мещерскаго [1]), въ которую Павелъ Петровичъ и сѣлъ вмѣстѣ съ

---

[1]) Предмѣстникъ военнаго губернатора де-Ласси, находившійся въ этомъ званіи одновременно съ гражданскимъ губернаторствомъ князя С. И. Баратаева. Въ началѣ 1798 г. въ составѣ казанской администраціи произошли большія перемѣны. На должность военнаго губернатора назначенъ, вмѣсто уволеннаго кн. Мещерскаго, Б. П. де-Ласси (прибылъ въ Казань 10 января), который въ свою очередь оставался въ этой должности лишь до 9 августа того же года, когда былъ замѣненъ П. П. Пущинымъ (бывшимъ комендантомъ). Гражданскій губернаторъ Д. С. Казинскій прибылъ въ Казань, на мѣсто уволеннаго кн. Баратаева, 10 февраля 1798 г. и оставался въ этой должности до апрѣля 1799 г., когда былъ замѣненъ д. с. с. А. И Мухановымъ.

обоими Великими Князьями; чести раздѣлить съ высокими путешественниками мѣсто въ экипажѣ удостоился и Б. П. де-Ласси. Въѣздъ въ Кремль совершился черезъ Спасскія ворота, мимо зданія Приказа общественнаго призрѣнія (находилось въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ казармы, на въѣздѣ отъ Булака къ Ивановской площади), въ которомъ помѣщался въ то время воспитательный домъ и другія учрежденія этого приказа. Императорскій экипажъ конвоировался отрядомъ конныхъ бухарцевъ, вооруженныхъ копьями съ навязанными на нихъ значками. Когда карета въѣхала въ Кремль, въ соборѣ и во всѣхъ церквахъ открылся торжественный звонъ, а на главной гауптвахтѣ (на мѣстѣ нынѣшней военной тюрьмы) Императору отдана была честь преклоненіемъ передъ нимъ знамени.

У кафедральнаго собора Августѣйшіе гости были встрѣчены знатнѣйшими представителями мѣстнаго мусульманства, съ чалмами на головахъ, и офицерами артиллерійскаго корпуса, а на самой соборной паперти—архіепископомъ Амвросіемъ, высшимъ духовенствомъ, гражданскимъ губернаторомъ дѣйств. стат. совѣтн. Дмитріемъ Степановичемъ Казинскимъ и парадно разодѣтыми представителями мѣстной гражданской власти и дворянства. Приложившись къ кресту и принявъ благословеніе св. иконами, Императоръ и Великіе Князья прослѣдовали во внутренность собора и поклонились мѣстнымъ иконамъ и мощамъ св. Гурія чудотворца. Поговоривъ съ полминуты съ княземъ Мещерскимъ, Императоръ Павелъ Петровичъ оставилъ соборъ и, сопровождаемый тѣми же особами и въ томъ же порядкѣ, поѣхалъ въ приготовленную для него въ городѣ квартиру; народъ толпами бѣжалъ за царскою каретою и многотысячными массами наводнялъ улицы, по которымъ слѣдовалъ Императорскій поѣздъ [1]).

---

[1]) «18 вѣкъ», кн. IV, стр. 464 и 465, а равно нѣкоторые рукописные матеріалы, находящіеся въ моемъ распоряженіи.

Помѣщеніе для Императора было приготовлено въ домѣ генерала Лецкаго, на нынѣшней Лядской (правильнѣе—„Лецкой“) улицѣ, которая съ той поры и получила настоящее названіе свое. Не велико и незатѣйливо было это помѣщеніе. Казанцы, желающіе видѣть болѣе нежели скромный „дворецъ“ Державнаго сына и преемника Великой Екатерины, могутъ хоть сейчасъ, почти черезъ сто лѣтъ послѣ описываемыхъ событій, удовлетворить своему любопытству. Для этого стоитъ только дойти до перекрестка Лядской и Поперечно - Лядской улицъ. Здѣсь, на трехъ углахъ перекрестка, найдете вы дома Вагнеръ, Матюнина и Костливцевыхъ, а на четвертомъ углу, какъ разъ противъ дома г-жи Вагнеръ, увидите вы неказистый, старенькій, приземистый, деревянный одноэтажный флигель въ пять оконъ по улицѣ, выкрашенный въ плохую желтую краску.... Это то и есть *дворецъ*, въ которомъ, въ теченіе цѣлой недѣли, проживалъ въ Казани Императоръ Павелъ I.

Домикъ этотъ, за небольшими внѣшними передѣлками, немного измѣнился съ тѣхъ поръ. Тотъ же одноэтажный фасадъ по улицѣ, тотъ же подъѣздъ со двора, тотъ же тѣнистый садъ на задахъ двороваго мѣста, за сто лѣтъ до нашихъ дней сливавшійся съ обширнымъ садомъ г. Волка; въ этихъ садахъ во время пребыванія въ Казани Императора Павла I устраивались, какъ увидимъ ниже, грандіозныя народныя гулянья. И до сихъ поръ внутренность соотвѣтствующаго квартала,—ограниченнаго домами г-жи Тростянской, г. Гейстъ (бывшій Криваксиныхъ), гг. Демидова и Молоствовыхъ,—представляетъ собою обширное садовое мѣсто, на которомъ произростаютъ вѣковыя липы и березы.

Тождественность угловаго флигеля усадьбы г-жи Тростянской съ тѣмъ домомъ, въ которомъ жилъ въ 1798 году Императоръ Павелъ I, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Одинъ изъ современниковъ, писавшій о пребываніи Павла

Петровича въ Казани, вполнѣ опредѣленнымъ образомъ заявляетъ, что Императоръ имѣлъ жительство въ домѣ генерала Лецкаго—„что на полѣ“ (Арскомъ); это указанiе совершенно соотвѣтствуетъ тому топографическому положенiю, какое занимала въ концѣ XVIII вѣка нынѣшняя усадьба г-жи Тростянской. Другой современникъ, И. И. Протопоповъ, лично представлявшiйся Императору Павлу I въ его казанскомъ временномъ „дворцѣ“ и рукописныя мемуары котораго находятся у насъ подъ руками, свидѣтельствуетъ, что Императоръ квартировалъ „въ Лядской улицѣ, въ *деревянномъ одноэтажномъ* домѣ г. Лядскаго“. Но вотъ свидѣтельство, которому мы придаемъ особенно важную цѣну: одинъ изъ почтенныхъ, нынѣ здравствующихъ, казанскихъ старожиловъ, бывшiй профессоръ восточнаго факультета Казанскаго университета I. Θ. Готвальдъ, указывалъ намъ на деревянный флигель г-жи Тростянской, какъ на *тотъ именно* домъ, въ которомъ останавливался Императоръ Павелъ I; а г. Готвальдъ лично слышалъ это отъ извѣстнаго въ свое время профессора К. Θ. Фукса, прибывшаго въ Казань въ 1805 году, слѣдовательно всего *через 7 лѣтъ* послѣ посѣщенiя Казани Императоромъ Павломъ Петровичемъ. Трудно возстановить мотивы, вслѣдствiе которыхъ избранъ былъ для жительства въ Казани Императора Павла болѣе нежели скромный домишко генерала Лецкаго. Очень можетъ быть, что причиною тому послужило личное благоволѣнiе Императора къ заслуженному хозяину дома,—а весьма вѣроятно и то, что Государь захотѣлъ поселиться поближе къ Арскому полю, на которомъ предстояли военные смотры, ради которыхъ и прибылъ Императоръ въ Казань; а домъ Лецкаго былъ въ то время на самой окраинѣ этого поля.

Домикъ генерала Лецкаго былъ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить въ себѣ всѣхъ почетныхъ гостей; въ немъ распо-

ложился лишь самъ Императоръ, для помѣщенія же Наслѣдника Цесаревича Александра Павловича и Великаго Князя Константина Павловича былъ отведенъ только что оконченный къ тому времени отстройкою домъ губернскаго прокурора В. И. Чемесова (нынѣшнее зданіе третьей гимназіи). Свита и придворные чины были расквартированы по Грузинской улицѣ. въ частныхъ же домахъ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ по поводу одного хронологическаго недоразумѣнія, возникающаго въ вопросѣ о времени прибытія и пребыванія въ Казани Императора Павла I. Одинъ изъ историковъ Казани, М. Рыбушкинъ, относитъ это событіе *къ 1799-му году*, вовсе не указывая ни мѣсяца, ни чиселъ пребыванія въ Казани Императора Павла Петровича. Л. Н. Энгельгардтъ въ своихъ „Запискахъ", писанныхъ имъ болѣе 25-ти лѣтъ спустя послѣ посѣщенія Императоромъ Павломъ I Казани, относитъ событіе это тоже къ 1798-му году, указывая, однако, временемъ пребыванія Императора въ этомъ городѣ *3—9 іюня*. Но мы имѣемъ „Современный журналъ о пребываніи въ Казани Его Императорскаго Величества Павла I-го", напечатанный въ четвертой книгѣ изданія П. Бартенева „Восемнадцатый Вѣкъ", а равно цитированный выше „Журналъ" путешествія Императора Павла I-го въ Казань, въ которыхъ пребываніе Императора Павла Петровича въ Казани пріурочивается къ промежутку времени 24—30 мая 1798 года. Въ библіотекѣ „Казанскаго Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи" хранится старинный географическій атласъ, на поляхъ котораго набросаны современныя замѣтки о пребываніи Императора Павла I въ Казани; здѣсь прибытіе Императора въ Казань отнесено также къ 24 мая 1798 года. За 1798 годъ говорятъ и указанія на личный составъ высшей казанской администраціи, встрѣчавшей Императора Павла I-го, въ 1799 году почти весь перемѣнившійся.

Такимъ образомъ, указаніе Рыбушкина на 1799 годъ, какъ на годъ посѣщенія Казани Императоромъ Павломъ Петровичемъ—должно быть признано простою ошибкою или недоразумѣніемъ, и *24 мая 1798 года* являтся несомнѣнною датою прибытія въ Казань Императора Павла I.

III.

По поводу прибытія въ Казань Императора Павла Петровича, въ городѣ этомъ былъ большой съѣздъ дворянства не только изъ уѣзда, но и изъ другихъ городовъ [1]). Оживленіе и подъемъ патріотическихъ чувствъ были необычайные: „Народъ передъ дворцемъ (т. е. передъ домомъ Лецкаго, гдѣ жилъ Императоръ) только что не спалъ",—пишетъ современникъ. Многіе изъ народа лѣзли въ окошки, чтобы видѣть Государя, и Императоръ Павелъ приказывалъ никого не отгонять отъ дома. Императоръ, повидимому, прекрасно чувствовалъ себя во все недѣльное пребываніе свое въ Казани: „Государь во всѣ дни, къ удивленію придворныхъ,—повѣствуетъ тотъ же современникъ,—веселъ былъ и почивалъ болѣе, нежели въ Петербургѣ, и такого гулянья и веселости нигдѣ не было" [2])....

Не смотря на усталость послѣ долгаго и утомительнаго пути, Императоръ Павелъ Петровичъ, прибывъ въ предназна-

---

[1]) Изъ современнаго описанія г. Казани въ 1798 году мы узнаемъ, что въ городѣ этомъ, въ его, окруженномъ стѣною съ 13-ю башнями, Кремлѣ, находились: Благовѣщенскій каѳедральный соборъ и 2 другія церкви, архіерейскій домъ и консисторія, Спасскій монастырь, намѣстническій домъ, присутственныя мѣста, кордегардія, арсенальный домъ, соляные амбары и провіантскіе магазины. Въ самомъ городѣ имѣлось: 39 церквей, 3 собора, 2 мужскихъ монастыря и 1 женскій, казенныхъ каменныхъ зданій—31, обывательскихъ каменныхъ домовъ—153, деревянныхъ—2498. Среди населенія города числилось: купечества и мѣщанства 3942 чел., разночинцевъ —3392 чел. и 1033 чел. татаръ (См. «Русск. Старину» за 1892 г., кн. X).

[2]) «18-ый Вѣкъ», кн. IV, стр. 463—464

ченный для него домъ генерала Лецкаго, въ тотъ же вечеръ (24 мая) принималъ депутацію отъ казанскаго городскаго общества, причемъ городской глава Петровъ, привѣтствуя Государя съ прибытіемъ въ Казань, поднесъ ему хлѣбъ-соль на серебреномъ блюдѣ, съ золотою солонкою. При этомъ Императоръ Павелъ Петровичъ милостиво и долго бесѣдовалъ съ градскимъ главою и находившимся въ составѣ депутаціи купцомъ Жарковымъ. Въ тотъ же вечеръ городскою депутаціею была поднесена хлѣбъ-соль, на такихъ же блюдахъ, съ вырѣзанными на нихъ вензелевыми изображеніями, и обоимъ Великимъ Князьямъ. „О преблагополучная Казань! Воззрила прибытіе своего всемилостивѣйшаго Монарха!"—восклицаетъ, описывая эти событія, неизвѣстный авторъ замѣтокъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I, сдѣланныхъ на чистыхъ страницахъ уже цитированнаго мною атласа, принадлежащаго библіотекѣ мѣстнаго Общества археологіи, исторіи и этнографіи [1]).

Пріемъ депутацій продолжался и раннимъ утромъ 25 мая, послѣ принятія Государемъ рапортовъ отъ начальниковъ отдѣльныхъ частей. На этотъ разъ явились, опять таки съ обычною хлѣбомъ-солью, депутаціи отъ казанскаго и вятскаго купечествъ и отъ слободскихъ татаръ. Отпустивъ депутаціи, Императоръ отправился на Арское поле, гдѣ осматривалъ мѣсто для предстоящихъ маневровъ и гдѣ должна была происходить парадная встрѣча вновь сформированныхъ Рыльскаго, Уфимскаго и Екатеринбургскаго полковъ, смотръ которыхъ, какъ мы это уже знаемъ, и былъ главною цѣлью пріѣзда Государя въ Казань.

Стянувшись къ Казани еще до прибытія Императора Павла Петровича, всѣ три полка расположились верстахъ въ

---

[1]) Мы ниже, для краткости, будемъ цитировать этотъ источникъ слѣдующимъ образомъ: «Атласъ О-ва А., И. и Э.»

десяти отъ города, по разнымъ дорогамъ, съ трепетомъ и страхомъ ожидая царскаго смотра. По свидѣтельству Энгельгардта, командовавшаго въ то время, какъ уже было выше сказано, батальономъ Уфимскаго полка, Императоръ еще въ самый день прибытія своего въ Казань разгнѣвался на генерала Игельстрома за то, что полки не вступили въ городъ раньше, и на слѣдующій же день назначилъ войскамъ вступленіе въ Казань, но въ разное время, такъ, чтобы каждый полкъ могъ быть осмотрѣнъ въ отдѣльности. Это вступленіе полковъ въ городъ, черезъ Арское поле, и происходило 25 мая,—на второй день по прибытіи Государя въ Казань. Первымъ, въ 7 часовъ утра, вступилъ черезъ Сибирскую заставу Екатеринбургскій полкъ, съ своимъ шефомъ, генералъ-маіоромъ Пѣвцовымъ, бывшимъ изъ гатчинцевъ. Въ 8 часовъ началъ входить Уфимскій полкъ: „Всѣ шли съ трепетомъ,—вспоминаетъ Л. Н. Энгельгардтъ; — я болѣе ужасался, чѣмъ идя на штурмъ Праги"…. „Государь стоялъ у самой заставы,—продолжаетъ Энгельгардтъ свои вспоминанія. — Передо мною шелъ батальонъ шефскій, который перемѣнилъ ногу; я тотчасъ же перемѣнилъ также свою, чтобы маршировать согласно съ предъидущимъ батальономъ. За мною шелъ сверхкомплектный подполковникъ князь Ураковъ, который поороббѣлъ и не замѣтивъ, что я перемѣнилъ ногу, шелъ попрежнему. Государь Императоръ сказалъ: „Господа штабъ-офицеры, не въ ногу идете!" Я,—продолжаетъ Энгельгардтъ,—видя что иду въ ногу шефскаго батальона вѣрно, тѣмъ же шагомъ продолжалъ. Тогда Государь гнѣвно закричалъ: „Полковникъ Энгельгардтъ не въ ногу идетъ!" Оправдываться было не время. Когда весь полкъ прошелъ, ударили подъ знамена. Я скомандовалъ: *съ поля*! Надобно объяснить,—говоритъ авторъ нашъ,—что дѣлалось это на маршѣ по тремъ флигельманамъ, въ 14 пріемовъ, и оканчивалось тѣмъ

ружья обертывались внизъ дуломъ, а прикладами вверхъ, что было чрезвычайно трудно. Императоръ увидѣлъ, что батальонъ исправно сіе сдѣлалъ". Послѣднимъ долженъ былъ вступить Рыльскій полкъ,—но онъ уже вошелъ въ заставу раньше; весьма вѣроятно, что начальство полка, сознавая плохую подготовку его по гатчинскому строю, поторопилось ввести его въ городъ. Императоръ гнѣвался за это на шефа полка, генерала Игельстрома, и въ приказѣ было объявлено царское „спасибо" за входъ только полкамъ Екатеринбургскому и Уфимскому [1]).

Возвратившись домой въ первомъ часу дня, Императоръ Павелъ Петровичъ отобѣдалъ, причемъ къ высочайшему столу удостоились приглашенія генералы: князь Мещерскій, Игельстромъ, военный губернаторъ де-Ласси, Ланжеронъ, Пѣвцовъ и Амбразанцовъ. Послѣобѣденное время Государь посвятилъ разсмотрѣнію рапортовъ и дѣлъ. Въ тотъ же день у Императорской квартиры выставленъ былъ ящикъ для опусканія въ него прошеній на Высочайшее имя, которыя во множествѣ и поступали во все время пребыванія Государя въ Казани; уѣзжая изъ Казани, Императоръ наиболѣе важныя изъ этихъ прошеній взялъ съ собою, а незначительныя оставилъ въ распоряженіе военнаго губернатора де-Ласси, для производства по нимъ на мѣстѣ.

Вечеромъ, въ 6 часовъ, Императоръ посѣтилъ домъ дворянства, гдѣ было многолюдное собраніе. „Вообще, стеченіе народа какъ при самомъ въѣздѣ Государя въ городъ, такъ и во всѣ выходы, равно передъ окнами, было чрезвычайное и причиняло такую тѣсноту, что съ трудомъ пройти можно было, — говоритъ современное повѣствованіе о пребываніи

---

[1]) «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 207—208; «18-ый вѣкъ», кн. IV, стр. 465; »Атласъ О-ва А. И. и Э.», листъ 3-й.

Императора Павла I въ Казани. — Многіе отъ восторговъ, что удостоились зрѣть любимаго ими Государя, проливали радостныя слезы; многіе восклицали и испрашивали отъ Всевышняго существа продолженія его здравія"....

На вечеръ въ дворянское собраніе Императоръ ѣхалъ „въ партикулярной каретѣ", съ военнымъ губернаторомъ де-Ласси; по дорогѣ Казанскій военный губернаторъ бесѣдовалъ съ Государемъ по поводу истребленія казенныхъ рощъ и лѣсовъ. Послѣдствіемъ этого разговора было изданіе указовъ, которыми эти рощи и лѣса снова передавались въ вѣданіе Адмиралтействъ—коллегіи [1]).

Здѣсь должны мы допустить отступленіе отъ послѣдовательнаго хода нашего повѣствованія, чтобы познакомить читателей съ интереснымъ эпизодомъ, стоящимъ въ связи съ исторіею пребыванія въ Казани Императора Павла I. Этотъ эпизодъ почерпается нами изъ неизданныхъ записокъ И. И. Протопопова, являющагося въ немъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ [2]). Автору записокъ было всего 19 лѣтъ въ то время, когда Казань удостоилась посѣщенія Высочайшихъ Особъ. Обучившись живописи у казанскихъ мастеровъ конца XVIII-го вѣка и добывъ себѣ кое-какія самостоятельныя работы по этой части,—отъ расписыванія стѣнъ въ домахъ мѣстныхъ богачей до раскрашиванія ящиковъ для мыла включительно,—

---

[1]) «Русская Старина» 1892 г., кн. X-ая.

[2]) Происходя изъ мѣщанской семьи, Ив. Ив. Протопоповъ въ юности находился въ Казани въ обученіи у мѣстныхъ живописцевъ, а впослѣдствіи былъ учителемъ рисованія въ казанской гимназіи и помощникомъ инспектора казанскаго университета. Собственноручныя записки И. И. Протопопова, обязательно сообщенныя мнѣ родственницею И. И. Протопопова, Р. А. Нелидовою, были предметомъ цѣлаго ряда очерковъ моихъ въ *Казан. Биржевомъ Листкѣ* (№№ 45, 46, 64, 65, 105 и 108 за 1892 годъ).

юноша крайне тяготился податнымъ состояніемъ, къ которому былъ причисленъ, и всѣми силами души своей стремился выйти изъ него, — а это было дѣло очень не легкое для бѣдняка-ремесленника. Весною 1798 года провѣдалъ Протопоповъ, что Казань посѣтитъ Императоръ Павелъ I. Въ мысляхъ юноши создается планъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы избавиться отъ податнаго состоянія. Да и то сказать: что не взбредетъ въ пылкую, юную, девятнадцатилѣтнюю голову! „Вѣсть эта меня ободрила,—повѣтствуетъ Протопоповъ,—и я сфантазировалъ: гдѣ ни случится, пасть ему (Императору) въ ноги и просить объ измѣненіи званія моего—хотя бы на подъячество или даже въ солдатство; и я питалъ эту мысль и рѣшимость до самаго прибытія Государя".

Когда Императоръ Павелъ Петровичъ пріѣхалъ въ Казань, то произошло событіе, которое, казалось, могло способствовать успѣху плановъ молодаго живописца. На другой же день по прибытіи своемъ въ Казань, Императоръ сдѣлалъ распоряженіе о постройкѣ для войскъ знаменъ, которыя онъ и намѣревался освятить въ своемъ личномъ присутствіи. Объ этомъ эпизодѣ совершенно умалчиваютъ всѣ печатные источники, касающіеся пребыванія въ Казани Императора Павла. Несомнѣнно, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о дачѣ знаменъ тремъ полкамъ Оренбургской инспекціи, какъ разъ въ тотъ день, о которомъ говоритъ Протопоповъ, вступившимъ въ Высочайшемъ присутствіи въ Казань и незадолго до того сформированнымъ изъ шести мѣстныхъ батальоновъ. Одновременно съ распоряженіемъ о постройкѣ знаменъ, издано было и повелѣніе о представленіи на Высочайшее воззрѣніе проектовъ рисунковъ ихъ. „По объявленіи этого повелѣнія,— разсказываетъ Протопоповъ, — не знаю, занялись ли другіе, но я ухватился за этотъ дорогой случай и Богъ помогъ мнѣ

нарисовать удачно". И вотъ, съ рисункомъ знаменъ въ рукахъ, подъ которымъ были обозначены имя и мѣстожительство автора, отправился Протопоповъ къ царскому „дворцу", т е. къ домику генерала Лецкаго, полный страха, надеждъ и съ заранѣе затверженными словами. Но на пути встрѣтился нашему юношѣ знакомый, который расхолодилъ надежды Протопопова, объявивъ ему, что многіе, являвшіеся къ Императору Павлу Петровичу съ подобными же просьбами о перемѣнѣ состоянія, были наказаны па тѣлѣ, въ силу резолюціи Государя: „Кто въ какое званіе призванъ, въ томъ да пребываетъ"; въ числѣ подвергшихся этой карѣ находилось и одно духовное лицо. Это извѣстіе сильно обезкуражило нашего юношу: „Но девятнадцатилѣтнему все ни почемъ,—пишетъ И. И. Протопоповъ,—все трынъ-трава, а русское *авось* ободрило меня"...

Но предоставимъ разсказывать послѣдующее самому автору записокъ:

„Дошедши до крыльца, — квартира Государя была въ Лядской улицѣ, въ деревянномъ одноэтажномъ домѣ г. Лядскаго же,—я нѣсколько струсилъ, но полагалъ, что долго будетъ мнѣ въ передней дожидаться встрѣчи съ Его Величествомъ и я успѣю еще оправиться и придумать что нибудь". Какъ бы то ни было, но этотъ наивный разсказъ наглядно свидѣтельствуетъ о той простотѣ, доступности и отсутствіи придворнаго этикета, которыми обставилъ свое пребываніе въ Казани Императоръ Павелъ Петровичъ. „Но только лишь съ крыльца въ сѣнцы замахнулъ я ногу, — продолжаетъ И. И. Протопоповъ,—какъ въ это же мгновеніе и Государь изъ передней замахнулъ свою ногу въ эти же сѣнцы, и мы едва-едва не столкнулись". Страшно растерялся, конечно, нашъ юный герой: „Замахнувшуюся ногу свою я едва успѣлъ откинуть назадъ опять на крыльцо,—разсказываетъ авторъ за-

писокъ.—Языкъ мой прильпѣ къ гортани, я палъ на колѣн и почти молча поднесъ Государю Императору рисунокъ, промолвивъ только: „Для знаменъ!„ Принимающую руку Его я поцѣловалъ, а Онъ, въ то же время, меня въ голову; взглянувъ на рисунокъ, передалъ его г. Кутайсову, что то проговорилъ и отправился въ садъ,—это было часовъ въ 6—7 вечера,—а я, ни живъ, ни мертвъ, со двора"..[1]).

На слѣдующій же день, утромъ, явился къ Протопопову полицейскій чиновникъ, съ поданнымъ наканунѣ Государю Императору рисункомъ знаменъ и съ повелѣніемъ: исполнить знамена по этому самому рисунку и непремѣнно въ трехдневный срокъ. Для писанія знаменъ юному живописцу было отведено помѣщеніе въ квартирѣ генералъ-губернатора и къ назначенному сроку всѣ 6 знаменъ (очевидно, по числу шести батальоновъ, переформированныхъ въ полки) были готовы, а затѣмъ освящены въ личномъ присутствіи Императора. Освобожденія изъ податнаго состоянія И. И. Протопоповъ, не смотря на все это, не добился, хотя и получилъ за свой трудъ приличное вознагражденіе.

Извинившись передъ читателями за это, — смѣемъ думать,—не безъинтересное отступленіе, переходимъ къ дальнѣйшему повѣствованію о пребываніи въ Казани Императора Павла I.

IV.

На третій день пребыванія въ Казани Императора Павла Петровича, 26-го мая утромъ, произведенъ былъ общій инспекторскій смотръ полкамъ Оренбургской инспекціи. Рыльскій полкъ и на этотъ разъ вызвалъ неудовольствіе Импера-

---

[1]) И это крыльцо со двора, и эти маленькія «сѣнцы»—желающіе могутъ и въ наши дни видѣть во флигелѣ г-жи Тростянской.

тора, который сдѣлалъ за плохое состояніе полка выговоръ шефу его, генералу Игельстрому; на шефа же Уфимскаго полка, генералъ-маіора графа Ланжерона, Императоромъ возложенъ былъ орденъ св. Анны второй степени. По окончаніи смотра Императоръ ѣздилъ въ Кремль, гдѣ присутствовалъ при разводѣ мѣстнаго гарнизоннаго полка генерала де-Ласси; Государь остался особенно доволенъ исправностью 3-го батальона этого полка, которому, въ награду, и повелѣно именоваться впредь „полевымъ“.

Въ 6 часовъ вечера назначенъ былъ въ честь Высочайшихъ Особъ балъ въ домѣ губернской канцеляріи, названномъ въ „Журналѣ о пребываніи въ Казани Его Императорскаго Величества Павла I-го“ („18-й вѣкъ,“ кн. IV.)—„на валу.“ Это—нынѣшнее помѣщеніе губернскаго правленія, гдѣ въ старину имѣлся особый „тронный залъ“. Съѣздъ къ балу начался съ 5 часовъ пополудни. Въ ожиданіи Государя, приглашенныя на балъ особы были расположены слѣдующимъ образомъ. Въ первой залѣ, по лѣвой отъ входа сторонѣ, стояли татарки, а нѣсколько далѣе купеческія женщины, въ платкахъ и фатахъ; съ правой стороны были выстроены представители татарскаго общества и купечества. Въ тронномъ залѣ расположились, съ лѣвой стороны—городскія дамы, съ правой стороны—генералитетъ и дворянство. Ровно въ 6 часовъ прибылъ Императоръ Павелъ Петровичъ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Павловичемъ; Великій Князь Константинъ Павловичъ на балу не присутствовалъ. На крыльцѣ Государь встрѣченъ былъ губернаторомъ и знатнѣйшимъ дворянствомъ, а въ прихожей—знатными дамами. Вступивъ въ тронный залъ, Императоръ лично открылъ балъ польскимъ.

Л. Н. Энгельгардтъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ этого бала. Военный губернаторъ де-Ласси явился на

балъ въ башмакахъ и съ тростью въ рукахъ,—т. е. одѣтымъ не по правиламъ этикета. Императоръ Павелъ Петровичъ обратилъ на это вниманіе:

— Какъ! Лассій въ башмакахъ и съ тростью!?—замѣтилъ онъ казанскому военному губернатору.

— А какъ же, Ваше Величество?—смутился тотъ.

— Ты бы спросилъ у петербургскихъ...—сказалъ Государь.

— Я ихъ не знаю, Ваше Величество...

— Видно, ты не любишь петербургскихъ. Такъ я тебѣ скажу: когда ты въ сапогахъ—это знакъ, что готовъ къ должности, и тогда надобно имѣть трость; когда въ башмакахъ — знакъ, что хочешь куртизировать дамъ, и тогда трость не нужна.

— Какъ, вы хотите, Ваше Величество, чтобы въ мои годы я могъ знать всѣ эти мелочи?—довольно смѣло возразилъ простодушный ирландецъ (де-Ласси былъ изъ этой національности).

Государь разсмѣялся надъ этимъ наивнымъ отвѣтомъ стараго генерала.

Балъ, во время котораго пѣлъ хоръ пѣвчихъ и играли крѣпостные оркестры мѣстныхъ помѣщиковъ, Есипова (извѣстнаго основателя постояннаго публичнаго театра въ Казани) и Молоствова, былъ очень оживленъ. Императоръ и Наслѣдникъ принимали участіе въ танцахъ, приглашеніемъ къ которымъ удостоили многихъ дамъ и дѣвицъ. На этомъ балу присутствовалъ даже мусульманскій муфтій. Пробывъ на балу около двухъ часовъ, Высочайшія Особы отбыли въ свои квартиры [1]).

---

[1]) «18-ый вѣкъ», кн. IV. стр. 465—466; «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 208—209; «Атласъ О-ва А. И. и Э.», листъ 4-й.

27 мая,—четвертый день пребыванія Императора Павла въ Казани,—снова началось военными упражненіями [1]. На этотъ разъ, на томъ же Арскомъ полѣ, назначено было ученіе, со стрѣльбою, какъ полкамъ Оренбургской инспекціи, такъ и двумъ батальонамъ мѣстнаго гарнизона; въ ученіи принимала участіе и мѣстная артиллерія. Стеченіе войскъ было весьма большое; по свидѣтельству современника, все Арское поле, отъ Колесьей (?) улицы до Горшечной, было въ шесть рядовъ уставлено развернутыми фронтами войскъ. Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Великими Князьями, лично командовалъ ученьемъ. Л. Н. Энгельгардту, командовавшему батальономъ Уфимскаго полка, удалось обратить на себя вниманіе Государя удачно выполненнымъ маневромъ залповой пальбы. По окончаніи ученія, въ квартирѣ Императора, при отдачѣ пароля и приказа, Императоръ Павелъ Петровичъ подошелъ къ присутствовавшему при этомъ Энгельгардту и, положивъ ему руку на плечо и слегка пожимая это послѣднее, сказалъ: „Скажи, гдѣ ты выпекся? Ты мастеръ своего дѣла"... Энгельгардтъ былъ глубоко тронутъ милостивымъ вниманіемъ Монарха: „Я руку Его, лежавшую у меня на плечѣ, цѣловалъ, какъ у любовницы,—пишетъ онъ,—ибо въ первые два дня я потерялъ бодрость и ожидалъ уже не того, чтобы обратить на себя его вниманіе, а быть исключеннымъ изъ службы". Здѣсь авторъ записокъ вспоминаетъ, очевидно, злополучный инцидентъ съ маршировкою, имѣвшій мѣсто во время параднаго вступленія полковъ въ Казань.

Въ тотъ же день Л. Н. Энгельгардтъ былъ удостоенъ приглашенія къ Высочайшему столу. Передъ обѣдомъ, Импе-

[1] Въ хранящемся въ дворцовой библіотекѣ г. Павловска рукописномъ «Журналѣ» путешествія императора Павла I въ Казань подробно описаны трехдневные маневры 27—29 мая и приведены объяснительные планы ихъ.

ператоръ имѣлъ съ вышеупомянутымъ батальоннымъ командиромъ слѣдующій характерный разговоръ:

— Изъ какихъ же ты Энгельгардтовъ, лифляндскихъ или смоленскихъ?—спросилъ Государь.

— Смоленскихъ, Ваше Величество!

— Зналъ ли я кого изъ твоихъ родныхъ?

— Когда Ваше Величество въ 1781 году изволили проѣзжать черезъ Могилевъ, отецъ мой тогда былъ тамъ губернаторомъ.

— А, помню! У тебя, кажется, была сестра Варвара... Гдѣ она теперь?

— Она замужемъ за Нагрозовымъ.

— Давно ли вышла замужъ?

— Въ нынѣшнемъ году.

— Не молодою же она вышла отроковицею... А ты гдѣ началъ служить?

— Въ гвардіи.

— То есть, по обыкновенію всѣхъ васъ, дворянъ-тунеядцевъ... А тамъ какъ?

По соображеніямъ, вполнѣ понятнымъ для всѣхъ, знакомыхъ съ русскою исторіею второй половины прошедшаго столѣтія, Энгельгардтъ хотѣлъ скрыть то обстоятельство, что онъ былъ адъютантомъ при свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ. Но это ему не удалось.

— А потомъ въ арміи...—хотѣлъ было увернуться допрашиваемый.

— Да какъ?—спросилъ Государь.

— Взятъ былъ въ адъютанты къ князю Потемкину...

— Въ какіе ты попалъ знатные люди!—иронизировалъ Императоръ.—Да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно, много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугою...

Послѣ обѣда назначено было большое гулянье въ „придворномъ“ саду, т. е. въ соединенныхъ садахъ усадебъ генерала Лецкаго и г. Волка. На эти гулянья, происходившія ежедневно въ 5 часовъ дня, особыми повѣстками отъ полиціи приглашались представители дворянства, лучшаго купечества и мѣстнаго мусульманства. Стеченіе народа бывало здѣсь всегда многочисленное. Государь, вмѣстѣ съ Великими Князьями, постоянно посѣщалъ эти гулянья и оставался здѣсь часа по два. Публикѣ предлагалось на этихъ гуляньяхъ, отъ двора, безплатное угощеніе. Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, въ четырехъ мѣстахъ сада играли оркестры музыки и пѣли актрисы крѣпостнаго театра помѣщика Есипова. Императоръ остался такъ доволенъ исполненіемъ доморощенныхъ казанскихъ артистовъ, что пожаловалъ имъ поясную бриллiантовую пряжку. Весьма вѣроятно, что именно къ этому вечеру пріурочивается разрѣшеніе Есипову на открытіе въ Казани публичнаго театра, которое, по преданію, дано было Императоромъ Павломъ I, во время пребыванія его въ нашемъ городѣ, этому ярому помѣщику-театралу [1]).

V.

Ученье тремъ полкамъ оренбургской инспекціи, гарнизонному полку генерала де-Ласси и артиллеріи корпуса генерала-лейтенанта Амбразанцева, въ количествѣ 20 орудій, оживило собою Арское поле и въ утро 28 мая,—пятаго дня пребыванія въ Казани Императора Павла I. На пространствѣ Арскаго поля сосредоточилось въ это утро до 13 тысячъ человѣкъ войска.

Государь, лично командовавшій ученіемъ, снова гнѣвался на Рыльскій полкъ за плохую стрѣльбу, но за то остался

---

[1]) «18-й вѣкъ», кн. IV, стр. 466; «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 210 «Атл. о-ва А., И. и Э.», листъ 4-й.

весьма доволенъ Уфимскимъ полкомъ, а въ особенности баталъономъ Л. Н. Энгельгардта, обласканнаго имъ наканунѣ. Послѣ того, какъ Энгельгардтъ, пройдя мимо Императора церемоніальнымъ маршемъ, отсалютовалъ ему и, взявъ въ правую руку эспантонъ, подошелъ къ Государю, послѣдній сказалъ ему: „Становись на колѣни! Видишь, какъ ты выросъ великъ,—иначе не могу тебя обнять“. Извѣстно, что Императоръ Павелъ былъ очень небольшаго роста. Когда Энгельгардтъ сталъ на колѣни, Императоръ поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Не смотря на гнѣвную вспышку, вызванную плохою стрѣльбою рыльцевъ, въ общемъ Государь остался ученіемъ доволенъ и, въ награду, приказалъ выдать всѣмъ находившимся въ строю солдатамъ по 1 рублю денегъ и по фунту рыбы,—въ то время былъ петровскій постъ, да и день приходился постный (пятница). Возвратившись во „дворецъ“ (домъ Лецкаго), Императоръ Павелъ Петровичъ возложилъ на начальника артиллеріи генерала Амбразанцева (названнаго въ запискахъ на атласѣ О-ва А., И. и Э.—„Обрезанціевымъ“) ленту ордена св. Анны [1]), подполковнику князю Яшвилю пожаловалъ бриліантовый перстень съ вензелемъ „П“, многихъ офицеровъ повысилъ чинами, а подполковнику Булыгину вручилъ Анненскую шпагу. Этотъ подполковникъ Булыгинъ,—впослѣдствіи, уже въ чинѣ генералъ-маіора, бывшій начальникомъ казанскаго ополченія въ годину отечественной войны,—передъ

---

[1]) Генералъ Амбразанцевъ обратилъ на себя въ Казани особенное вниманіе Императора Павла I. Въ слѣдующемъ 1799 году онъ былъ вызванъ въ столицу, съ назначеніемъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго батальона:

«Зная усердіе Ваше,—сказано въ собственноручной запискѣ Императора къ генералу Амбразанцеву,—назначаю Васъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго батальона; Вашъ же постъ получитъ г.-м. Коробинъ. Пріѣзжайте сюда. Вамъ благосклонный *Павелъ*». Затѣмъ слѣдуетъ приписка: «Пріѣзжайте прямо въ Гатчину, не заѣзжая въ Петербургъ». Записка адресована: «Господину генералу-лейтенанту Амбразанцеву, въ Казань», («Русск. Архивъ» 1869 г., стр. 66)

тѣмъ вызвалъ чѣмъ то Царскую опалу: у него отнята была пенсія, производившаяся ему въ размѣрѣ тысячи рублей; Императоръ Павелъ Петровичъ возстановилъ эту пенсію, повелѣвъ производить ее, въ случаѣ смерти Булыгина, и дочерямъ его, до выхода послѣдней изъ нихъ въ замужество.

Съ фамиліею Булыгиныхъ связано и воспоминаніе о романтической исторіи, разыгравшейся съ однимъ изъ прибывшихъ со дворомъ мелкихъ чиновъ—кафешенскимъ помощникомъ, и развязка которой произошла именно въ день, о которомъ идетъ у насъ повѣствованіе и который былъ ознаменованъ особенно милостивымъ расположеніемъ духа Императора Павла. Жила въ домѣ Булыгиныхъ какая то крещеная турчанка,—вѣроятно изъ плѣнныхъ, что было не въ рѣдкость въ ту пору,—и вотъ этою то турчанкою и увлекся на одномъ изъ ежедневныхъ народныхъ гуляній въ садахъ Лецкаго и Волка, царскій кафешенскій помощникъ, который былъ также изъ крещеныхъ турокъ. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Павелъ приказалъ ихъ обвѣнчать и выдать на свадьбу двѣ тысячи рублей, но, въ виду петровскаго поста, велѣлъ ихъ разлучить до наступленія разговѣнья.

День 28 мая ознаменовался и серьезною вспышкою Царскаго гнѣва. Былъ передъ тѣмъ въ Казани вице-губернаторомъ нѣкто Лаптевъ, переведенный отсюда губернаторомъ въ Тамбовъ. Узналъ въ этотъ день Императоръ Павелъ Петровичъ,—путемъ ли доноса или изъ бесѣды, каковыя велъ онъ со многими казанцами, особенно на придворныхъ гуляньяхъ,—что Лаптевъ велъ себя въ Казани не хорошо и нажилъ неправедными путями большія деньги; немедленно отправленъ былъ въ Тамбовъ курьеръ, съ повелѣніемъ отрѣшить тамбовскаго губернатора отъ должности, съ запрещеніемъ ему въѣзда въ столицы и съ распубликованіемъ дѣяній его на всю Россію.

Вечеръ 28 мая былъ, по обыкновенію, посвященъ царственными гостями гулянью въ садахъ Лецкаго и Волка [1]).

29 мая было предпослѣднимъ днемъ пребыванія въ Казани Императора Павла Петровича. Утромъ этого дня происходили маневры всѣхъ четырехъ полковъ и артиллеріи,— „въ такомъ видѣ, какъ съ непріятелемъ сражаться". Уфимскій полкъ и на этотъ разъ обратилъ на себя особенное вниманіе Императора. По словамъ Энгельгардта, встрѣчаясь съ офицерами этого полка на придворныхъ садовыхъ гуляньяхъ, Государь говаривалъ имъ: „Спасибо, господа—вы меня забавляли; Я вами очень доволенъ"; похвала Уфимскому полку отдавалась и во всѣхъ дневныхъ приказахъ Императора. По окончаніи маневровъ, происходила всемилостивѣйшая раздача наградъ. На казанскаго военнаго губернатора и шефа мѣстнаго гарнизоннаго полка, генералъ-лейтенанта Б. П. де-Ласси, возложенъ Императоромъ орденъ св. Александра Невскаго. Баталліонные командиры Уфимскаго и Казанскаго (гарнизоннаго) полковъ,— въ числѣ которыхъ авторъ отмѣтокъ на „Атласѣ О-ва А. И. и Э." называетъ: Балашова, Эссена и Нечаева,—приняли изъ рукъ Государя Императора анненскія шпаги. Этой же награды удостоился и Л. Н. Энгельгардтъ: „Подозвавъ меня къ себѣ,— разсказываетъ Энгельгардтъ,—Государь приказалъ мнѣ стать на колѣна, вынулъ изъ ножемъ шпагу, далъ мнѣ три удара по плечамъ и пожаловалъ шпагу съ анненскимъ крестомъ". Въ тотъ же день получилъ крестъ св. Анны на шею и казанскій гражданскій губернаторъ, д. с. с. Д. С. Казинскій, а губернскій предводитель дворянства Еремѣевъ произведенъ въ надворные совѣтники.

---

[1]) «18-ый вѣкъ», кн. IV, стр. 466—467; «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 211; «Атласъ О-ва А., И. и Э.», листъ 4-й.

Послѣ обѣда, передъ выходомъ Императора въ садъ на обычное гулянье, произошелъ инцидентъ, весьма характерный для обрисовки личности Императора Павла Петровича, склоннаго какъ къ бурнымъ порывамъ раздраженія, такъ и къ непосредственно слѣдующимъ за такими аффектами проявленіямъ чисто-рыцарскаго благородства. Передъ выходомъ въ садъ, возлѣ спальной Императора, собрались: военный губернаторъ де-Ласси, генералъ-адъютантъ Нелидовъ и шефъ Уфимскаго полка, генералъ-маіоръ графъ Ланжеронъ. Мы уже знаемъ, что Государь Императоръ былъ недоволенъ начальникомъ Оренбургской военной инспекціи, генераломъ отъ инфантеріи Игельстромомъ. И вотъ, выйдя изъ спальной, Императоръ Павелъ обратился къ графу Ланжерону съ слѣдующими словами:

— Ланжеронъ, ты долженъ принять инспекцію отъ сумасброднаго старика Игельстрома.

— Не могу, Государь! — отвѣтилъ тотъ.

— Какъ! Ты отказываешься отъ моей милости!? — удивился Монархъ.

— Тысяча причинъ заставляютъ меня отказаться отъ милости Вашего Величества... Прежде всего — я не силенъ еще въ русскомъ языкѣ... [1]).

Государь Императоръ съ гнѣвомъ отошелъ отъ графа и, подозвавъ Нелидова, велѣлъ ему узнать, какія болѣе серьезныя основанія побуждаютъ Ланжерона отказываться отъ новаго назначенія.

---

[1]) Графъ Алекс. Өедор. Ланжеронъ (1863—1831 г.г.) былъ происхожденіемъ—французъ. Онъ сражался съ Лафайетомъ за американскую независимость и въ 1790 г. эмигрировалъ въ Россію. Онъ былъ впослѣдствіи выдающимся боевымъ генераломъ и извѣстнымъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ («Записки Энгельгардта»).

— Первый и единственный мотивъ моего отказа тотъ,— отвѣчалъ гр. Ланжеронъ,—что Игельстромъ мнѣ благодѣтельствовалъ и я не хочу, чтобы въ моемъ лицѣ было сдѣлано такое чувствительное огорченіе человѣку, состарѣвшемуся въ службѣ Его Императорскаго Величества.

Отвѣтъ былъ хотя и прямой, но рѣзкій. Государь Императоръ его услышалъ: „Не успѣлъ онъ его вымолвить,—разсказываетъ Энгельгардтъ,—какъ Государь подбѣжалъ къ нему, топнулъ ногой, и скорыми, большими шагами ушелъ въ спальню“. Вотъ какую бурную сцену помнитъ, въ своихъ скромныхъ стѣнахъ, нынѣшній ветхій флигелекъ на углу Лядской улицы!

Присутствовавшіе не смѣли тронуться съ мѣста. Всѣ ждали грозы. Де-Ласси могъ только вымолвить:

— Ланжеронъ, что ты сдѣлалъ?! Ты пропалъ....

— Что дѣлать!—отвѣтилъ графъ.—Слова вернуть нельзя.... Ожидаю всякаго несчастья, но не раскаяваюсь: я обязанъ Игельстрому и почитаю его.

Прошло добрыхъ полчаса томительнаго ожиданія. Государь изъ спальной не выходилъ. Наконецъ, Императоръ Павелъ Петровичъ вышелъ, подошелъ къ графу Ланжерону, хлопнулъ его по плечу и милостиво проговорилъ:

— Langeron, vous êtes un bon enfant: toujours je me souviendrai de votre généreux procédé (то есть: „Ланжеронъ, вы добрый малый,—я буду всегда помнить вашъ благородный поступокъ!“).

„Сколько приноситъ сіе чести графу Ланжерону,—замѣчаетъ Л. Н. Энгельгардтъ, разсказывая этотъ эпизодъ,—столько, если не болѣе, Императору Павлу I; это показываетъ, что Онъ умѣлъ себя переработать и чувствовать благородство“.

Впечатлѣніе инцидента съ графомъ Ланжерономъ быстро разсѣялось и не омрачило собою обычнаго гулянья въ садахъ Императорской квартиры. Въ этотъ послѣдній вечеръ своего пребыванія въ Казани Государь Императоръ оставался на гуляньи особенно долго. При выходѣ изъ сада, Императоръ соблаговолилъ принять отъ казанскаго градскаго главы и представителей купеческаго общества поднесенныя ими издѣлія казанской промышленности,—мыло, черныя, алыя и желтыя козловыя кожи,—долго разговаривалъ съ депутатами и милостиво благодарилъ, допустивъ къ своей рукѣ. На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, такія же подношенія сдѣланы были, съ Высочайшаго соизволенія, и Великимъ Князьямъ Александру и Константину Павловичамъ.

29 мая дѣлались приготовленія къ назначенному назавтра выбытію Августѣйшихъ гостей изъ Казани. Многіе придворные экипажи отправлены были уже въ этотъ день въ путь. Въ этотъ же вечеръ подписаны были Императоромъ многіе указы, ознаменованные различнаго рода милостями казанцамъ, а также утверждены штаты гимназій, „что самое,—по словамъ одного изъ источниковъ,—всѣхъ тамошнихъ жителей побудило къ несказаннымъ восторгамъ и благодарности“.

VI.

Наступило раннее утро послѣдняго (30 мая) дня пребыванія въ Казани Императора Павла и Его Августѣйшихъ сыновей. Это утро,—не въ примѣръ утрамъ предшествовавшихъ дней, посвященнымъ шумнымъ воинскимъ упражненіямъ,—было опредѣлено мирному религіозному торжеству: закладкѣ обширнаго, существующаго въ настоящее время, собора въ Казанскомъ Богородицкомъ монастырѣ.

Проснувшись въ это утро въ обыкновенное время, т. е. въ 6 часовъ, Государь пилъ кофе и принималъ доклады. При

балъ въ башмакахъ и съ тростью въ рукахъ,—т. е. одѣтымъ не по правиламъ этикета. Императоръ Павелъ Петровичъ обратилъ на это вниманіе:

— Какъ! Лассій въ башмакахъ и съ тростью!?—замѣтилъ онъ казанскому военному губернатору.

— А какъ же, Ваше Величество?—смутился тотъ.

— Ты бы спросилъ у петербургскихъ...—сказалъ Государь.

— Я ихъ не знаю, Ваше Величество...

— Видно, ты не любишь петербургскихъ. Такъ я тебѣ скажу: когда ты въ сапогахъ—это знакъ, что готовъ къ должности, и тогда надобно имѣть трость; когда въ башмакахъ — знакъ, что хочешь куртизировать дамъ, и тогда трость не нужна.

— Какъ, вы хотите, Ваше Величество, чтобы въ мои годы я могъ знать всѣ эти мелочи?—довольно смѣло возразилъ простодушный ирландецъ (де-Ласси былъ изъ этой національности).

Государь разсмѣялся надъ этимъ наивнымъ отвѣтомъ стараго генерала.

Балъ, во время котораго пѣлъ хоръ пѣвчихъ и играли крѣпостные оркестры мѣстныхъ помѣщиковъ, Есипова (извѣстнаго основателя постояннаго публичнаго театра въ Казани) и Молоствова, былъ очень оживленъ. Императоръ и Наслѣдникъ принимали участіе въ танцахъ, приглашеніемъ къ которымъ удостоили многихъ дамъ и дѣвицъ. На этомъ балу присутствовалъ даже мусульманскій муфтій. Пробывъ на балу около двухъ часовъ, Высочайшія Особы отбыли въ свои квартиры [1]).

---

[1]) «18-ый вѣкъ», кн. IV. стр. 465—466; «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 208—209; «Атласъ О-ва А. И. и Э.», листъ 4-й.

27 мая,—четвертый день пребыванія Императора Павла въ Казани,—снова началось военными упражненіями [1]). На этотъ разъ, на томъ же Арскомъ полѣ, назначено было ученіе, со стрѣльбою, какъ полкамъ Оренбургской инспекціи, такъ и двумъ батальонамъ мѣстнаго гарнизона; въ ученіи принимала участіе и мѣстная артиллерія. Стеченіе войскъ было весьма большое; по свидѣтельству современника, все Арское поле, отъ Колесьей (?) улицы до Горшечной, было въ шесть рядовъ уставлено развернутыми фронтами войскъ. Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Великими Князьями, лично командовалъ ученьемъ. Л. Н. Энгельгардту, командовавшему батальономъ Уфимскаго полка, удалось обратить на себя вниманіе Государя удачно выполненнымъ маневромъ залповой пальбы. По окончаніи ученія, въ квартирѣ Императора, при отдачѣ пароля и приказа, Императоръ Павелъ Петровичъ подошелъ къ присутствовавшему при этомъ Энгельгардту и, положивъ ему руку на плечо и слегка пожимая это послѣднее, сказалъ: „Скажи, гдѣ ты выпекся? Ты мастеръ своего дѣла"... Энгельгардтъ былъ глубоко тронутъ милостивымъ вниманіемъ Монарха: „Я руку Его, лежавшую у меня на плечѣ, цѣловалъ, какъ у любовницы,—пишетъ онъ,—ибо въ первые два дня я потерялъ бодрость и ожидалъ уже не того, чтобы обратить на себя его вниманіе, а быть исключеннымъ изъ службы". Здѣсь авторъ записокъ вспоминаетъ, очевидно, злополучный инцидентъ съ маршировкою, имѣвшій мѣсто во время параднаго вступленія полковъ въ Казань.

Въ тотъ же день Л. Н. Энгельгардтъ былъ удостоенъ приглашенія къ Высочайшему столу. Передъ обѣдомъ, Импе-

---

[1]) Въ хранящемся въ дворцовой библіотекѣ г. Павловска рукописномъ «Журналѣ» путешествія императора Павла I въ Казань подробно описаны трехдневные маневры 27—29 мая и приведены объяснительные планы ихъ.

раторъ имѣлъ съ осчастливленнымъ батальонымъ командиромъ слѣдующій характерный разговоръ:

— Изъ какихъ же ты Энгельгардтовъ, лифляндскихъ или смоленскихъ?—спросилъ Государь.

— Смоленскихъ, Ваше Величество!

— Знаю ли я кого изъ твоихъ родныхъ?

— Когда Ваше Величество въ 1781 году изволили проѣзжать черезъ Могилевъ, отецъ мой тогда былъ тамъ губернаторомъ.

— А, помню! У тебя, кажется, была сестра Варвара.... Гдѣ она теперь?

— Она замужемъ за Наврозовымъ.

— Давно ли вышла замужъ?

— Въ нынѣшнемъ году.

— Не молодою же она вышла отроковицею.... А ты гдѣ началъ служить?

— Въ гвардіи.

— То есть, по обыкновенію всѣхъ васъ, дворянъ-тунеядцевъ... А тамъ какъ?

По соображеніямъ, вполнѣ понятнымъ для всѣхъ, знакомыхъ съ русскою исторіею второй половины прошедшаго столѣтія, Энгельгардтъ хотѣлъ скрыть то обстоятельство, что онъ былъ адъютантомъ при свѣтлѣйшемъ князѣ Потемкинѣ. Но это ему не удалось.

— А потомъ въ арміи...—хотѣлъ было увернуться допрашиваемый.

— Да какъ?—спросилъ Государь.

— Взятъ былъ въ адъютанты къ князю Потемкину...

— Въ какіе ты попалъ знатные люди!—иронизировалъ Императоръ.—Да какъ ты не сдѣлался негодяемъ, какъ всѣ при немъ бывшіе? Видно, много въ тебѣ добраго, что ты уцѣлѣлъ и сдѣлался мнѣ хорошимъ слугою...

Послѣ обѣда назначено было большое гулянье въ „придворномъ“ саду, т. е. въ соединенныхъ садахъ усадебъ генерала Лецкаго и г. Волка. На эти гулянья, происходившія ежедневно въ 5 часовъ дня, особыми повѣстками отъ полиціи приглашались представители дворянства, лучшаго купечества и мѣстнаго мусульманства. Стеченіе народа бывало здѣсь всегда многочисленное. Государь, вмѣстѣ съ Великими Князьями, постоянно посѣщалъ эти гулянья и оставался здѣсь часа по два. Публикѣ предлагалось на этихъ гуляньяхъ, отъ двора, безплатное угощеніе. Въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, въ четырехъ мѣстахъ сада играли оркестры музыки и пѣли актрисы крѣпостнаго театра помѣщика Есипова. Императоръ остался такъ доволенъ исполненіемъ доморощенныхъ казанскихъ артистовъ, что пожаловалъ имъ поясную бриллiантовую пряжку. Весьма вѣроятно, что именно къ этому вечеру пріурочивается разрѣшеніе Есипову на открытіе въ Казани публичнаго театра, которое, по преданію, дано было Императоромъ Павломъ I, во время пребыванія его въ нашемъ городѣ, этому ярому помѣщику-театралу [1]).

V.

Ученье тремъ полкамъ оренбургской инспекціи, гарнизонному полку генерала де-Ласси и артиллеріи корпуса генерала-лейтенанта Амбразанцева, въ количествѣ 20 орудій, оживило собою Арское поле и въ утро 28 мая,—пятаго дня пребыванія въ Казани Императора Павла I. На пространствѣ Арскаго поля сосредоточилось въ это утро до 13 тысячъ человѣкъ войска.

Государь, лично командовавшій ученіемъ, снова гнѣвался на Рыльскій полкъ за плохую стрѣльбу, но за то остался

весьма доволенъ Уфимскимъ полкомъ, а въ особенности батальономъ Л. Н. Энгельгардта, обласканнаго имъ наканунѣ. Послѣ того, какъ Энгельгардтъ, пройдя мимо Императора церемоніальнымъ маршемъ, отсалютовалъ ему и, взявъ въ правую руку эспантонъ, подошелъ къ Государю, послѣдній сказалъ ему: „Становись на колѣни! Видишь, какъ ты выросъ великъ,—иначе не могу тебя обнять". Извѣстно, что Императоръ Павелъ былъ очень небольшаго роста. Когда Энгельгардтъ сталъ на колѣни, Императоръ поцѣловалъ его въ обѣ щеки. Не смотря на гнѣвную вспышку, вызванную плохою стрѣльбою рыльцевъ, въ общемъ Государь остался ученіемъ доволенъ и, въ награду, приказалъ выдать всѣмъ находившимся въ строю солдатамъ по 1 рублю денегъ и по фунту рыбы,—въ то время былъ петровскій постъ, да и день приходился постный (пятница). Возвратившись во „дворецъ" (домъ Лецкаго), Императоръ Павелъ Петровичъ возложилъ на начальника артиллеріи генерала Амбразанцева (названнаго въ запискахъ на атласѣ О-ва А., И. и Э.—„Обрезанціевымъ") ленту ордена св. Анны [1]), подполковнику князю Яшвилю пожаловалъ брилліантовый перстень съ вензелемъ „П", многихъ офицеровъ повысилъ чинами, а подполковнику Булыгину вручилъ Анненскую шпагу. Этотъ подполковникъ Булыгинъ,—впослѣдствіи, уже въ чинѣ генералъ-маіора, бывшій начальникомъ казанскаго ополченія въ годину отечественной войны,—передъ

---

[1]) Генералъ Амбразанцевъ обратилъ на себя въ Казани особенное вниманіе Императора Павла I. Въ слѣдующемъ 1799 году онъ былъ вызванъ въ столицу, съ назначеніемъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго батальона:

«Зная усердіе Ваше,—сказано въ собственноручной запискѣ Императора къ генералу Амбразанцеву,—назначаю Васъ инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ гвардейскаго артиллерійскаго батальона; Вашъ же постъ получитъ г.-м. Коробинъ. Пріѣзжайте сюда. Вамъ благосклонный *Павелъ*». Затѣмъ слѣдуетъ приписка: «Пріѣзжайте прямо въ Гатчину, не заѣзжая въ Петербургъ». Записка адресована: «Господину генералу-лейтенанту Амбразанцеву, въ Казань», («Русск. Архивъ» 1869 г., стр. 66)

тѣмъ вызвалъ чѣмъ то Царскую опалу: у него отнята была пенсія, производившаяся ему въ размѣрѣ тысячи рублей; Императоръ Павелъ Петровичъ возстановилъ эту пенсію, повелѣвъ производить ее, въ случаѣ смерти Булыгина, и дочерямъ его, до выхода послѣдней изъ нихъ въ замужество.

Съ фамиліею Булыгиныхъ связано и воспоминаніе о романтической исторіи, разыгравшейся съ однимъ изъ прибывшихъ со дворомъ мелкихъ чиновъ—кафешенскимъ помощникомъ, и развязка которой произошла именно въ день, о которомъ идетъ у насъ повѣствованіе и который былъ ознаменованъ особенно милостивымъ расположеніемъ духа Императора Павла. Жила въ домѣ Булыгиныхъ какая то крещеная турчанка,—вѣроятно изъ плѣнныхъ, что было не въ рѣдкость въ ту пору,—и вотъ этою то турчанкою и увлекся на одномъ изъ ежедневныхъ народныхъ гуляній въ садахъ Лецкаго и Волка, царскій кафешенскій помощникъ, который былъ также изъ крещеныхъ турокъ. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Павелъ приказалъ ихъ обвѣнчать и выдать на свадьбу двѣ тысячи рублей, но, въ виду петровскаго поста, велѣлъ ихъ разлучить до наступленія разговѣнья.

День 28 мая ознаменовался и серьезною вспышкою Царскаго гнѣва. Былъ передъ тѣмъ въ Казани вице-губернаторомъ нѣкто Лаптевъ, переведенный отсюда губернаторомъ въ Тамбовъ. Узналъ въ этотъ день Императоръ Павелъ Петровичъ,—путемъ ли доноса или изъ бесѣды, каковыя велъ онъ со многими казанцами, особенно на придворныхъ гуляньяхъ,—что Лаптевъ велъ себя въ Казани не хорошо и нажилъ неправедными путями большія деньги; немедленно отправленъ былъ въ Тамбовъ курьеръ, съ повелѣніемъ отрѣшить тамбовскаго губернатора отъ должности, съ запрещеніемъ ему въѣзда въ столицы и съ распубликованіемъ дѣяній его на всю Россію.

Вечеръ 28 мая былъ, по обыкновенію, посвященъ царственными гостями гулянью въ садахъ Лецкаго и Волка [1]).

29 мая было предпослѣднимъ днемъ пребыванія въ Казани Императора Павла Петровича. Утромъ этого дня происходили маневры всѣхъ четырехъ полковъ и артиллеріи,— „въ такомъ видѣ, какъ съ непріятелемъ сражаться". Уфимскій полкъ и на этотъ разъ обратилъ на себя особенное вниманіе Императора. По словамъ Энгельгардта, встрѣчаясь съ офицерами этого полка на придворныхъ садовыхъ гуляньяхъ, Государь говаривалъ имъ: „Спасибо, господа—вы меня забавляли; Я вами очень доволенъ"; похвала Уфимскому полку отдавалась и во всѣхъ дневныхъ приказахъ Императора. По окончаніи маневровъ, происходила всемилостивѣйшая раздача наградъ. На казанскаго военнаго губернатора и шефа мѣстнаго гарнизоннаго полка, генералъ-лейтенанта Б. П. де-Ласси, возложенъ Императоромъ орденъ св. Александра Невскаго. Баталліонные командиры Уфимскаго и Казанскаго (гарнизоннаго) полковъ,— въ числѣ которыхъ авторъ отмѣтокъ на „Атласѣ О-ва А. И. и Э." называетъ: Балашова, Эссена и Нечаева,—приняли изъ рукъ Государя Императора анненскія шпаги. Этой же награды удостоился и Л. Н. Энгельгардтъ: „Подозвавъ меня къ себѣ,— разсказываетъ Энгельгардтъ,—Государь приказалъ мнѣ стать на колѣна, вынулъ изъ ножемъ шпагу, далъ мнѣ три удара по плечамъ и пожаловалъ шпагу съ анненскимъ крестомъ". Въ тотъ же день получилъ крестъ св. Анны на шею и казанскій гражданскій губернаторъ, д. с. с. Д. С. Казинскій, а губернскій предводитель дворянства Еремѣевъ произведенъ въ надворные совѣтники.

---

[1]) «18-ый вѣкъ», кн. IV, стр. 466—467; «Записки Л. Н. Энгельгардта», стр. 211; «Атласъ О-ва А., И. и Э.», листъ 4-й.

Послѣ обѣда, передъ выходомъ Императора въ садъ на обычное гулянье, произошелъ инцидентъ, весьма характерный для обрисовки личности Императора Павла Петровича, склоннаго какъ къ бурнымъ порывамъ раздраженія, такъ и къ непосредственно слѣдующимъ за такими аффектами проявленіямъ чисто-рыцарскаго благородства. Передъ выходомъ въ садъ, возлѣ спальной Императора, собрались: военный губернаторъ де-Ласси, генералъ-адъютантъ Нелидовъ и шефъ Уфимскаго полка, генералъ-маіоръ графъ Ланжеронъ. Мы уже знаемъ, что Государь Императоръ былъ недоволенъ начальникомъ Оренбургской военной инспекціи, генераломъ отъ инфантеріи Игельстромомъ. И вотъ, выйдя изъ спальной, Императоръ Павелъ обратился къ графу Ланжерону съ слѣдующими словами:

— Ланжеронъ, ты долженъ принять инспекцію отъ сумасброднаго старика Игельстрома.

— Не могу, Государь!—отвѣтилъ тотъ.

— Какъ! Ты отказываешься отъ моей милости!?—удивился Монархъ.

— Тысяча причинъ заставляютъ меня отказаться отъ милости Вашего Величества... Прежде всего—я не силенъ еще въ русскомъ языкѣ... [1]).

Государь Императоръ съ гнѣвомъ отошелъ отъ графа и, подозвавъ Нелидова, велѣлъ ему узнать, какія болѣе серьезныя основанія побуждаютъ Ланжерона отказываться отъ новаго назначенія.

---

[1]) Графъ Алекс. Ѳедор. Ланжеронъ (1863—1831 г.г.) былъ происхожденіемъ—французъ. Онъ сражался съ Лафайетомъ за американскую независимость и въ 1790 г. эмигрировалъ въ Россію. Онъ былъ впослѣдствіи выдающимся боевымъ генераломъ и извѣстнымъ н[illegible]
губернаторомъ («Записки Энгельгардта»).

— Первый и единственный мотивъ моего отказа тотъ,— отвѣчалъ гр. Ланжеронъ,—что Игельстромъ мнѣ благодѣтельствовалъ и я не хочу, чтобы въ моемъ лицѣ было сдѣлано такое чувствительное огорченіе человѣку, состарѣвшемуся въ службѣ Его Императорскаго Величества.

Отвѣтъ былъ хотя и прямой, но рѣзкій. Государь Императоръ его услышалъ: „Не успѣлъ онъ его вымолвить,—разсказываетъ Энгельгардтъ,—какъ Государь подбѣжалъ къ нему, топнулъ ногой, и скорыми, большими шагами ушелъ въ спальню". Вотъ какую бурную сцену помнитъ, въ своихъ скромныхъ стѣнахъ, нынѣшній ветхій флигелекъ на углу Лядской улицы!

Присутствовавшіе не смѣли тронуться съ мѣста. Всѣ ждали грозы. Де-Ласси могъ только вымолвить:

— Ланжеронъ, что ты сдѣлалъ?! Ты пропалъ....

— Что дѣлать!—отвѣтилъ графъ.—Слова вернуть нельзя.... Ожидаю всякаго несчастья, но не раскаяваюсь: я обязанъ Игельстрому и почитаю его.

Прошло добрыхъ полчаса томительнаго ожиданія. Государь изъ спальной не выходилъ. Наконецъ, Императоръ Павелъ Петровичъ вышелъ, подошелъ къ графу Ланжерону, хлопнулъ его по плечу и милостиво проговорилъ:

— Langeron, vous êtes un bon enfant: toujours je me souviendrai de votre généreux procédé (то есть: „Ланжеронъ, вы добрый малый,—я буду всегда помнить вашъ благородный поступокъ!").

„Сколько приноситъ сіе чести графу Ланжерону,—замѣчаетъ Л. Н. Энгельгардтъ, разсказывая этотъ эпизодъ,—столько, если не болѣе, Императору Павлу I; это показываетъ, что Онъ умѣлъ себя переработать и чувствовать благородство души".

Впечатлѣніе инцидента съ графомъ Ланжерономъ быстро разсѣялось и не омрачило собою обычнаго гулянья въ садахъ Императорской квартиры. Въ этотъ послѣдній вечеръ своего пребыванія въ Казани Государь Императоръ оставался на гуляньи особенно долго. При выходѣ изъ сада, Императоръ соблаговолилъ принять отъ казанскаго градскаго главы и представителей купеческаго общества поднесенныя ими издѣлія казанской промышленности,—мыло, черныя, алыя и желтыя козловыя кожи,—долго разговаривалъ съ депутатами и милостиво благодарилъ, допустивъ къ своей рукѣ. На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, такія же подношенія сдѣланы были, съ Высочайшаго соизволенія, и Великимъ Князьямъ Александру и Константину Павловичамъ.

29 мая дѣлались приготовленія къ назначенному назавтра выбытію Августѣйшихъ гостей изъ Казани. Многіе придворные экипажи отправлены были уже въ этотъ день въ путь. Въ этотъ же вечеръ подписаны были Императоромъ многіе указы, ознаменованные различнаго рода милостями казанцамъ, а также утверждены штаты гимназій, „что самое,—по словамъ одного изъ источниковъ,—всѣхъ тамошнихъ жителей побудило къ несказаннымъ восторгамъ и благодарности“.

VI.

Наступило раннее утро послѣдняго (30 мая) дня пребыванія въ Казани Императора Павла и Его Августѣйшихъ сыновей. Это утро,—не въ примѣръ утрамъ предшествовавшихъ дней, посвященнымъ шумнымъ воинскимъ упражненіямъ,—было опредѣлено мирному религіозному торжеству: закладкѣ обширнаго, существующаго въ настоящее время, собора въ Казанскомъ Богородицкомъ монастырѣ.

Проснувшись въ это утро въ обыкновенное время, т. е. въ 6 часовъ, Государь пилъ кофе [illegible] лады. При

этомъ, отдавая военному губернатору де-Ласси обычный дневной приказъ, Императоръ Павелъ сказалъ ему:

— Ты знаешь, что пока, при паролѣ, приказъ не будетъ отданъ, никто его не долженъ знать: а этотъ долженъ быть отданъ послѣ моего отъѣзда...

Мы увидимъ ниже, въ чемъ заключался этотъ таинственный приказъ.

Л. Н. Энгельгардтъ приводитъ еще слѣдующій характерный разговоръ, который, предъ самымъ своимъ отъѣздомъ, имѣлъ Императоръ съ де-Ласси:

— Ну, Ласси,—спросилъ Императоръ Павелъ,—скажи правду: радъ ты, что я ѣду?

— Очень!—не задумался казанскій военный губернаторъ.

— Какъ?!—изумился Монархъ.

— До сихъ поръ вы думаете, Ваше Величество, что у насъ здѣсь, въ Казани, все очень хорошо,—отвѣтилъ добродушный ирландецъ,—а, вѣдь, мы и очень несовершенны.... Такъ я хотѣлъ бы, чтобы вы уѣхали, будучи о насъ лестнаго мнѣнія: а ежели бы остались долѣе, тогда бы лучше увидѣли наши недостатки.

— Правда, правда твоя!—разсмѣялся Императоръ.

Въ это самое утро внезапно получены были Государемъ Императоромъ изъ Петербурга, отъ Императрицы, депеши весьма важнаго содержанія. Императоръ Павелъ Петровичъ объявилъ, что, вслѣдствіе этого, долженъ ускорить своимъ прибытіемъ въ столицу и, измѣнивъ первоначальный маршрутъ, рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ кратчайшимъ путемъ, на Ярославль, минуя Москву.

Покончивъ съ дѣлами, Императоръ Павелъ, въ сопровожденіи Великихъ Князей и свиты, въ 7 часовъ утра поѣхалъ въ „партикулярныхъ“ экипажахъ въ Казанскій монастырь, гдѣ слушалъ раннюю обѣдню, отслуженную архі-

епископомъ Амвросіемъ [1]). По окончаніи обѣдни, Высочайшіе гости прикладывались къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери, а затѣмъ послѣдовало торжество закладки собора, причемъ Императоромъ Павломъ былъ положенъ первый камень въ основаніе будущаго храма, на сооруженіе котораго пожаловано было Государемъ Императоромъ 25 тыс. рублей. По окончаніи торжества, Императоръ посѣтилъ въ ея кельѣ игуменью монастыря (изъ мѣстнаго дворянскаго рода князей Болховскихъ), отъ которой принялъ благословеніе богато вышитою жемчугомъ иконою.

Прямо изъ Казанскаго монастыря, въ сопровожденіи архіепископа Амвросія и обоего пола знатнаго дворянства и чиновничества, которыми были встрѣчены и въ монастырѣ, Высокіе гости отправились въ экипажахъ къ берегу р. Волги, такъ какъ, во избѣжаніе замедленія въ выѣздѣ, придворные экипажи были заранѣе переправлены на ту сторону рѣки, къ селу Верхнему Услону. Волгу Августѣйшіе путешественники переѣхали въ шлюпкѣ.

Пользуясь извлеченіями изъ „Журнала путешествія Императора Павла I въ Казань", напечатанными въ X книжкѣ „Русской Старины" за 1892 годъ, познакомимъ читателей съ обратнымъ путешествіемъ Августѣйшихъ особъ.

30-го мая, въ день выбытія своего изъ Казани, Императоръ имѣлъ обѣденный столъ (въ 11 часовъ дня) въ деревнѣ Моркваши, верстахъ въ 20-ти отъ этого города, въ домѣ помѣщика Геркепа,—„коего сестра въ Смольномъ монастырѣ", добавляетъ цитируемый нами источникъ. Ночлегъ происходилъ въ г. Чебоксарахъ, гдѣ Государь, „по причинѣ

---

[1]) Амвросій Подобѣдовъ, впослѣдствіе С.-Петербургскій митрополитъ (1742—1818 гг.). Святительствовалъ въ Казани съ 1785 по 1799 годъ.

тѣсноты покоевъ и духоты, ночь препроводить могъ не весьма покойно; сверхъ же помянутаго неудобства въ ночлегѣ, много безпокоили клопы и тараканы". Во всю эту ночь шелъ дождь, вслѣдствіе чего Высокимъ путешественникамъ, выѣхавшимъ изъ Чебоксаръ въ 7 часовъ утра, весь день 1-го іюня довелось ѣхать по размытому черноземно-глинистому грунту. Заночевалъ Императоръ и на этотъ разъ въ простой крестьянской избѣ, „гдѣ также было довольно таракановъ и изба была не весьма просторна".

1-го іюня Высокіе путешественники переѣхали границу Казанской губерніи и вступили въ предѣлы Нижегородской. 2-го числа, передъ Нижнимъ-Новгородомъ, Императорскій кортежъ былъ встрѣченъ многочисленнымъ стеченіемъ народа. Здѣсь нижегородскаго губернатора, за его излишнее и неумѣстное усердіе, постигла царская опала: „Его Императорское Величество,—повѣствуетъ „Журналъ путешествія",—недовольный нижегородскимъ губернаторомъ за то, что, въ противность его повелѣнію, сдѣланы были по дорогамъ въ ненужныхъ мѣстахъ мосты, къ отягощенію токмо обывателей служащіе, изволилъ повелѣть его отрѣшить и на мѣсто его опредѣлить другаго". Царское неудовольствіе постигло и нижегородскаго губернскаго предводителя дворянства, который былъ отрѣшенъ отъ должности, съ повелѣніемъ избрать на его мѣсто другаго.

Маршрутъ Высочайшаго слѣдованія лежалъ изъ Нижняго, минуя Москву, на Балахну, Нерехту, Ярославль, Мологу, Устюжну, Новую Ладогу и Шлиссельбургъ. Не входя въ подробности этой части пути, замѣтимъ лишь, что, выѣхавъ изъ Нижняго въ тотъ же день (2-го іюня), Императоръ въ полдень 4-го числа былъ уже въ Ярославлѣ, 7-го—Устюжнѣ, 10-го—въ Новой Ладогѣ, а съ 10-го на 11-ое ночевалъ въ Шлиссельбургѣ. Выѣхавъ отсюда 11-го іюня,

рано утромъ, Императоръ Павелъ Петровичъ, встрѣченный у селенія Колпино Государынею Императрицею Маріею Θеодоровною, въ тотъ же день, въ 12-мъ часу дня, уже былъ, послѣ пятинедѣльнаго путешествія, снова въ своемъ Павловскѣ [1]).

Но возвратимся къ казанскимъ событіямъ, послѣдовавшимъ за выѣздомъ изъ Казани Высокихъ путешественниковъ.

Послѣ отъѣзда Высочайшихъ гостей, происходилъ вахтъ-парадъ полкамъ Оренбургской инспекціи, которымъ на слѣдующій же день Высочайше предписано было выступить въ свои постоянныя квартиры. На этомъ то парадѣ выяснилось содержаніе таинственнаго приказа, отданнаго Императоромъ генералу де-Ласси. Не подозрѣвая нисколько уже разразившейся надъ его головою грозы, генералъ Игельстромъ,— этотъ „сумасбродный старикъ", какъ характеризовалъ его Императоръ Павелъ,—съ важнымъ и торжествующимъ видомъ разъѣзжалъ передъ войсками своей инспекціи, дѣлая разнаго рода замѣчанія и взысканія. Но вотъ подскакиваетъ адъютантъ и передаетъ ему, при паролѣ, Императорскій приказъ. Игельстромъ читаетъ—и не вѣритъ глазамъ своимъ: инспекція всего Оренбургскаго корпуса отбирается у него и передается генералу де-Ласси, а онъ оставляется лишь Оренбургскимъ губернаторомъ; отнято у него и званіе шефа Рыльскаго полка, переданное гвардіи полковнику Бахметьеву, съ производствомъ его въ генералъ-маіоры... Извѣстіе это такъ потрясло старика Игельстрома, что онъ весь измѣнился въ лицѣ и съ нимъ едва не сдѣлалось удара [2]).

---

[1]) «Русская Старина» 1892 г., кн. X.
[2]) См. цитированные выше источники.

На слѣдующій же день, 31 мая, полки Оренбургской инспекціи выступили изъ Казани, гдѣ суждено имъ было перенести столько страха, трепета и душевнаго волненія. Какъ бы то ни было, но все дѣло обошлось благополучнѣе, нежели можно было ожидать, зная темпераментъ и дисциплинарныя и фронтовыя требованія Императора Павла I съ одной стороны, и плохую подготовленность войскъ Оренбургской инспекціи къ условіямъ гатчинской строевой службы—съ другой стороны.

VII.

Мы отчасти уже знакомы съ тѣми наградами, которыя щедро расточаемы были Императоромъ Павломъ I во время пребыванія его въ Казани.

Кромѣ наградъ, уже приведенныхъ нами, источники отмѣчаютъ еще слѣдующія:

Артиллеріи майору князю *Баратаеву* пожалованъ чинъ подполковника; провіантскій бригадиръ *Татищевъ* произведенъ въ генералъ-маіоры; полковникъ *Татариновъ*, за хорошее обмундированіе войскъ, пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ, съ обѣщаніемъ производства въ генералы, но не ранѣе августа мѣсяца, такъ какъ Государь Императоръ „за правило поставляетъ прежде года никого не производить". Отставному генералъ-маіору *Лецкому*, въ домѣ котораго имѣлъ Императоръ квартиру, пожалована табакерка съ брилліантами, а женѣ его перстень; людямъ генерала Лецкаго роздано въ награду 1,000 рублей. Улицу, на которой находился домъ генерала Лецкаго, повелѣно именовать на будущее время „Лецкою" [1]). Бывшему губернскому прокурору *Чемесову*, въ

---

[1]) Нашему городскому управленію не мѣшало бы принять въ соображеніе эту историческую справку и возстановить искаженное наименованіе нынѣшнихъ «Лядскихъ» улицъ, являющееся совершенною безсмыслицею.

домѣ котораго квартировали Великіе Князья, пожалована Императоромъ—табакерка, а каждымъ изъ Великихъ Князей—по бриллiантовому перстню. Г-жѣ *Аверкіевой* пожалованы бриллiантовыя серьги. Съ обратнаго пути въ Петербургъ, съ первою же почтою, доставлены были изъ Нижняго Новгорода еще слѣдующія Высочайшія пожалованія: дворянину Порфирію Львовичу *Молоствову*—золотая табакерка, и купцу *Евреинову* — перстень съ осыпаннымъ бриллiантами аквамариномъ. Награды были присылаемы въ Казань и спустя довольно значительное время послѣ возвращенія Императора Павла въ столицу. Такъ, 14 сентября того же 1798 года, прибылъ въ Казань курьеръ съ Высочайшими рескриптами, въ силу которыхъ жаловались: казанскій комендантъ, генералъ-маіоръ *П. П. Пущинъ*—казанскимъ же военнымъ губернаторомъ, шефомъ мѣстнаго гарнизоннаго полка и кавалеромъ ордена св. Анны второй степени; гражданскій губернаторъ д. с. с. *Д. С. Казинскій*—тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ ордена св. Анны первой степени; губернскій прокуроръ надв. сов. *Княжевичъ*—кавалеромъ ордена св. Анны второй степени. Затѣмъ 17 сентября полученъ былъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ, при которомъ препровождалась шпага на имя казанскаго градскаго главы, купца *Петрова*:

„Города Казани господину головѣ Петрову. — Во изъявленіе Монаршаго Нашего къ вамъ благоволенія за усердіе и рачительное исполненіе должности вашей, всемилостивѣйше жалуемъ Мы васъ шпагою, которую, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ носить въ знакъ отличія вамъ отъ Насъ даннаго. — Гатчина, сентября 9-го, года 1798-го. На подлинномъ рескриптѣ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Павелъ“.

Крупныя Царскія милости выпали и на долю самаго города Казани. Обративъ вниманіе на ветхость и неудовле-

творительное состояніе казанскаго гостиннаго двора, подвергнувшагося разгрому во время нашествія на городъ Пугачева, Императоръ Павелъ Петровичъ повелѣлъ отпустить для постройки новаго гостиннаго двора, изъ губернскихъ доходовъ, безпроцентную ссуду въ 200 тыс. рублей, съ разсрочкою ея на десять лѣтъ; на эти то средства и былъ сооруженъ (впослѣдствіи сдѣланы были въ немъ, конечно, частныя измѣненія и перестройки, — снята была, напримѣръ, послѣ пожара 1842 г. колонада, украшавшая середину главнаго фасада зданія и т. п.) тотъ гостинный дворъ, который и до настоящаго времени существуетъ въ нашемъ городѣ [1]). Городскому обществу пожертвованы были Императоромъ: мельница на р. Казанкѣ и баня при устьи Булака, значительное количество выгона, земли, лѣса и луговъ, такъ что всѣ эти вновь пожалованныя оброчныя статьи должны были, по расчету современника, возвысить городской доходъ на 10 тысячъ рублей, — сумму весьма значительную по денежному курсу того времени; такимъ образомъ, отъ 1798 г. ведетъ свое начало богатство угодій, которыми располагаетъ современная Казань. 10 тысячъ рублей были назначены Императоромъ на сооруженіе въ Казани новыхъ лазаретовъ. Подъ помѣщеніе возобновленной казанской гимназіи былъ отведенъ обширный губернаторскій домъ на Воскресенской улицѣ (восточная, до средней колонады, часть нынѣшняго главнаго университетскаго корпуса, составлявшая до 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія отдѣльное зданіе), причемъ помѣщеніе для губернатора отведено на Черноозерской улицѣ (нынѣшній окружный военный штабъ). Мы уже знаемъ, наконецъ, что Императоръ Павелъ Петровичъ отпустилъ 25 тысячъ рублей

---

[1]) Закладка его совершена 25 іюня 1800 года («Атласъ О-ва А., И. Э.»).

на постройку новаго собора въ Казанскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. По преданію, въ бытность свою въ Казани, Императоръ Павелъ I далъ мѣстному помѣщику Есипову, владѣльцу крѣпостной труппы актеровъ, разрѣшеніе на открытіе въ этомъ городѣ публичнаго театра, представленія въ которомъ и открылись лѣтъ черезъ пять—шесть.

Велики были, дѣйствительно, вниманіе и милости, удѣленныя Императоромъ Павломъ I Казани, и память его заслуживала бы, во всякомъ случаѣ, того, чтобы хотя портретъ его былъ выставленъ въ залѣ думскихъ засѣданій. Современникъ той эпохи былъ правъ, заявляя, что многіе города могли бы позавидовать „пресчастливой Казани“ и что милости, оказанныя Императоромъ этому городу, были таковы, „каковыхъ въ Москвѣ и въ прочихъ городахъ не было“.

Мы знаемъ, что, въ свое пребываніе въ Казани, Императоръ Павелъ вообще оставался въ благодушномъ настроеніи, — если не принимать въ соображеніе инцидентовъ съ Ланжерономъ, Игельстромомъ и, по всей вѣроятности, основательной опалы на бывшаго вице-губернатора Лаптева. Но за то, всего за нѣсколько дней до прибытія Императора въ Казань, подверглась полному разгрому мѣстная палата уголовнаго суда. За недѣлю до пріѣзда въ Казань Государя, прибылъ въ этотъ городъ командированный по Высочайшему повелѣнію курьеръ, съ слѣдующими полномочіями: предсѣдателя этой палаты Волка въ тотъ же день отрѣшить отъ должности, съ назначеніемъ вице-губернаторомъ въ Вятку (это былъ въ то время, повидимому, родъ почетной ссылки!); Голохвастова (кто онъ былъ—мы не нашли на это указаній), а также совѣтника и ассесора палаты—совсѣмъ отрѣшить отъ службы; имѣніе всѣхъ названныхъ выше лицъ отписать въ казну. Намъ не извѣстно, чѣмъ былъ вызванъ этотъ разгромъ личнаго состава цѣлаго правительственнаго губерн-

скаго установленія; вѣроятно, тѣмъ хаотическимъ состояніемъ мѣстныхъ администраціи и суда, о которыхъ свидѣтельствуютъ намъ казанскіе источники конца XVIII и первой четверти XIX столѣтій [1]).

По случаю Монаршихъ милостей, излитыхъ Императоромъ Павломъ I на Казань, мѣстное купеческое общество отслужило 10 іюня въ Петропавловскомъ соборѣ благодарственный молебенъ, послѣ котораго предложенъ былъ дворянству парадный обѣдъ на 95 кувертовъ. Не обошлось дѣло и безъ пожертвованій на общественныя и филантропическія цѣли. Кромѣ тысячи рублей, издержанныхъ на обѣдъ, казанскимъ купечествомъ было опредѣлено: по 1 тысячѣ рублей на сооруженіе собора въ Казанскомъ монастырѣ, для раздачи войскамъ и на выкупъ лицъ, содержащихся въ тюрьмѣ за долги, и 500 рублей на благотворительныя нужды приказа общественнаго призрѣнія. Во весь этотъ день въ городѣ происходилъ торжественный колокольный звонъ.

Пребываніе въ Казани Императора Павла Петровича и его Августѣйшихъ сыновей,—которые, по словамъ одного изъ современниковъ, „привлекли и восхитили сердца“ казанцевъ,—не могло не оставить по себѣ глубокаго впечатлѣнія въ Казани. Откликнулся на это событіе и казанскій уроженецъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ,—славный „пѣвецъ Фелицы“,—находившійся въ пору описанныхъ нами казанскихъ происшествій въ излюбленной имъ Званкѣ. Чувства, охватившія маститаго поэта по поводу толковъ о казанскихъ событіяхъ весны 1798 года, выражены имъ въ извѣстномъ стихотвореніи „Арфа“, посвященномъ П. М. Бакуниной:

---

[1]) «Атласъ О-ва А., И. и Э.», листы 5—7; «18-ый вѣкъ», кн. IV, стр. 467—469.

Такъ! Ты, подруга музъ, ліешь мнѣ твой восторгъ,
Подъ быстрою рукой играющей Хариты,
Когда ея чело вѣнчаетъ вкуса богъ
И улыбаются любовію ланиты.

* * *

Какъ весело внимать, когда съ тобой она
Поетъ про родину, отечество драгое,
И возвѣщаетъ мнѣ, какъ тамъ цвѣтетъ весна,
Какъ время катится въ Казани золотое!

* * *

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой по прежнему всегдашній буду житель?

* * *

Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть?
Васъ, дубы Камскіе, отъ времени почтенны?
По Волгѣ, между селъ, на парусахъ летѣть,
И гробы обнимать родителей священны?

* * *

Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ,
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодатенъ;
Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ:
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ...

Прошли три года съ той поры, какъ Казань съ нетерпѣніемъ ожидала встрѣчи въ своихъ стѣнахъ Августѣйшихъ гостей. Настала весна 1801 года—и, вотъ, въ ночь съ 21 на 22 марта, прискакалъ въ Казань нарочный курьеръ съ манифестомъ о внезапной кончинѣ, на 12 число этого мѣсяца, Императора Павла I-го и о восшествіи на всероссійскій престолъ Императора Александра Павловича.

Въ тотъ же день въ соборахъ: каѳедральномъ Благовѣщенскомъ, Петропавловскомъ, Владимірскомъ и Успенскомъ— всѣми сословіями и чинами принесена была вѣрноподданическая присяга вновь восшедшему на престолъ Государю Императору.

23 числа того же мѣсяца, въ каѳедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ, отслужена была архіепископомъ казанскимъ и симбирскимъ Серапіономъ панихида по усопшемъ Монархѣ [1]), на которой Казань провозгласила печальную „вѣчную память" своему еще недавнему Державному гостю...

POST SCRIPTUM.

Настоящая статья уже заканчивалась печатаніемъ, когда мы получили отъ бывшаго инспектора народныхъ училищъ Чебоксарскаго уѣзда (нынѣ Елабужскаго у.), Василія Константиновича Магницкаго, письмо, въ которомъ сообщаются нѣкоторыя дополнительныя, лично извѣстныя г. Магницкому, данныя, стоящія въ связи съ путешествіемъ въ Казань Императора Павла Петровича.

По этому вопросу В. К. Магницкій сообщилъ намъ слѣдующее:

1) Запись времени пребыванія Императора Павла въ г. Козмодемьянскѣ была найдена, послѣ напечатанія С. Михайловымъ его „Повѣсти", въ одной книгѣ и опубликована въ № 15-мъ „Казанскихъ Губерскихъ Вѣдомостей" за 1856-й годъ.

---

[1]) «Атласъ О-ва А., И. и Э». листъ 8-ой.

2) На казанско-нижегородскомъ почтовомъ трактѣ, не доѣзжая съ версту до Старо-Сундырской почтовой станціи (послѣдняя по направленію отъ Козмодемьянска къ Чебоксарамъ), между березъ, окаймляющихъ трактъ, сохраняется огороженный рѣшеткою дубъ, извѣстный подъ названіемъ *Царскаго*. Относительно этого дуба ходятъ различныя преданія. Одни говорятъ, что этотъ дубъ посаженъ Петромъ Великимъ, другіе—что подъ нимъ обѣдала или завтракала Императрица Екатерина II; оба эти преданія не заслуживаютъ вѣроятія, такъ какъ извѣстно, что какъ Петръ I (въ 1722 г.), такъ и Екатерина II (въ 1767 г.) слѣдовали изъ Нижняго въ Казань водою. Третьи утверждаютъ, и съ наибольшею достовѣрностью, что этотъ дубъ находится въ связи съ путешествіемъ въ Казань Императора Павла I; за это преданіе стоялъ въ началѣ 70-хъ годовъ и одинъ изъ почтенныхъ старожиловъ, мѣстный приходскій священникъ о. Смѣловскій. Въ 1872-мъ году, когда праздновалось двухсотлѣтіе рожденія Петра Великаго, козмодемьянскіе земцы вспомнили объ этомъ историческомъ дубѣ, ассигновавъ сумму на возобновленіе сгнившей рѣшетки и на изготовленіе къ дубу дощечки съ надписью: „Посаженъ Петромъ I-мъ"; объ ассигнованіи на это денегъ можно прочесть въ современныхъ журналахъ козмодемьянскаго уѣзднаго земскаго собранія. Несомнѣнно, однако, что ни къ путешествію Петра I, ни къ путешествію Екатерины II—этотъ „Царскій" дубъ никакого соотношенія имѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что Старо-Сундырская почтовая станція отстоитъ верстахъ въ десяти отъ берега Волги.

3) Въ архивѣ Чебоксарской городской думы хранится подлинное дѣло о приготовленіяхъ чебоксарцевъ къ встрѣчѣ Императора Павла Петровича. Извлеченіе изъ этого дѣла было сдѣлано учителемъ—чувашениномъ М. Ѳедоровымъ,—дѣдъ котораго былъ ямщикомъ у Павла I,—для изданія ка-

занскаго губернскаго статистическаго комитета: „Приволжскіе города и селенія въ Казанской губерніи“. Изъ дѣла этого видно, что, по случаю пріѣзда Государя, чебоксарскими жителями были заказаны въ Москвѣ, на собранныя для этой цѣли деньги, серебряные вызолоченные блюдо и солонка, съ изображеніемъ на блюдѣ, по срединѣ—казанскаго, а по сторонамъ—четырехъ уѣздныхъ гербовъ; блюдо это обошлось въ 395 р. 55 к. Подъ квартиры Государя и свиты его были отведены девять лучшихъ городскихъ домовъ.

4) Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ В. К. Магницкій списалъ въ свое время надпись на стѣнѣ анбара одного изъ чувашъ деревни Большое Аккозино (по чувашски—Тупа́ль Смель), въ которой, какъ мы знаемъ, имѣлъ Императоръ ночлегъ въ ночь съ 23-го на 24-ое мая. Вотъ эта надпись съ сохраненіемъ ея орѳографіи:

„1798 года мания 24 числа здесь имѣлъ начлегъ император павелъ петровичь. . . . . . а на станцы для встречи ево величества были дваряня князь Гундаровъ иванъ ариставъ александръ лвовъ“.

(См. „Казанскія Губернскія Вѣдомости“ за 1866 г., №№ 2-ой или 3-ій, гдѣ надпись передана невѣрно; вѣрнѣе воспроизведена она въ выноскѣ подъ статьей М. Ѳ(едорова): „Преданія чувашъ и пр.“, въ Извѣстіяхъ по Казанской епархіи“ за 1876 годъ).

Приносимъ почтенному В. К. Магницкому живѣйшую признательность за эти, доставленныя имъ, дополнительныя свѣдѣнія.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СУДА

БЫВШАГО КАЗАНСКАГО АДМИРАЛТЕЙСТВА.

(Дополненіе къ статьѣ: „Императоръ Павелъ Первый въ Казани“).

Въ дополненіе къ статьѣ: „Императоръ Павелъ Первый въ Казани“, считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько свѣдѣній о хранящемся въ Казани, во дворѣ упраздненнаго казанскаго адмиралтейства, катерѣ, на которомъ прибылъ въ 1798 году изъ Свіяжска въ Казань Государь Императоръ Павелъ, съ своими Августѣйшими сыновьями. Пользуемся при этомъ двумя архивными дѣлами, обязательно доставленными намъ изъ мѣстнаго управленія государственными имуществами. Первое изъ этихъ дѣлъ озаглавлено: „Дѣло о составленіи смѣты и плана зданію для храненія галеры Тверь, о построеніи онаго хранилища и о приведеніи въ приличный видъ самой галеры“; дѣло это, начавшееся 6 сентября 1831 года и окончившееся 3 февраля 1834 года, заключаетъ въ себѣ 166 листовъ. Второе дѣло носитъ заглавіе: „Дѣло о возобновленіи 12-ти весельной шлюпки, построенной въ 1797 году для Государя Императора Павла Петровича и о построеніи надъ оной сарая“; оно содержитъ въ себѣ 149 листовъ,

началось 31 мая 1837 года и окончилось 8 марта 1842 года. Эти два дѣла служатъ любопытною иллюстраціею того невѣроятнаго канцеляризма, безконечной переписки и волокиты, которые были присущи нашимъ дореформеннымъ присутственнымъ мѣстамъ. Два, въ сущности совершенно несложные вопроса, ухитрились раздуть здѣсь въ два обширныхъ, почти подавляющихъ собою изслѣдователя, дѣла. Нужно купить нѣсколько инструментовъ для работъ, требуется нанять рабочихъ, пріобрѣсти красокъ, гвоздей—обо всемъ заводится безконечная переписка, съ неизбѣжными рапортами, предложеніями, отношеніями и тому подобными, совершенно по существу своему излишними, актами канцелярскаго буквоѣдства....

Оба историческихъ судна,—и галера „Тверь“, и катеръ Государя Императора Павла I,—вмѣстѣ съ нѣсколькими другими гребными судами, находились въ вѣдѣніи казанской адмиралтейской конторы вплоть до 1831 года, когда состоялось окончательное упраздненіе казанскаго адмиралтейства. Съ упраздненіемъ мѣстнаго адмиралтейства, суда эти перешли въ вѣдѣніе казанскаго низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ, вѣдомства морскаго министерства, затѣмъ въ вѣдѣніе управленія государственными имуществами, а въ началѣ 60-хъ годовъ были переданы на попеченіе казанскаго городскаго самоуправленія, въ вѣдѣніи котораго остаются и понынѣ.

Древнѣйшее изъ сохранившихся до нашихъ дней мѣстныхъ архивныхъ свѣдѣній (по крайней мѣрѣ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи) объ Императорской галерѣ „Тверь“— относится къ 1804-му году. 25 октября этого года полученъ былъ казанскою адмиралтейскою конторою указъ Его Императорскаго Величества изъ Адмиралтейской Коллегіи, за под-
„товарища министра морскихъ силъ господина вице-
ла и кавалера Павла Васильевича Чичагова“, въ ко-
было объяснено, что, по дошедшимъ до высшаго пра-

вительства свѣдѣніямъ, въ казанскомъ амиралтействѣ „хранятся *четыре* галеры, на которыхъ блаженныя памяти Государыня Императрица Екатерина II имѣла плаваніе по Волгѣ“. „По причинѣ,—говорится далѣе въ этомъ указѣ,—что въ память путешествія великой Государыни достаточно бы было одной, на которой Ея Величество изволила имѣть присутствіе и что прочія, занимавшіяся свитою, не кажутся нужными, но занимаютъ много мѣста въ адмиралтействѣ и требуютъ излишнихъ издержекъ на содержаніе и поправленіе обширной крыши“,—доведено было до свѣдѣнія Императора Александра I, которымъ и было дано Высочайшее повелѣніе хранить въ городѣ Казани, при адмиралтействѣ, только одну галеру „Тверь“, на которой путешествовала сама Императрица Екатерина, а остальныя три галеры разобрать, употребивъ пригодный еще къ судостроенію матеріалъ на нужды казанскаго адмиралтейства, а лѣсъ—на дрова. При этомъ выражено было Высочайшее пожеланіе, чтобы галера „Тверь“ хранилась въ Казани „не перемѣняя того вида, какой она имѣла во время Высочайшаго путешествія, и сдѣлавъ для нея удобное хранилище“.

Намъ ничего неизвѣстно о томъ, какимъ образомъ и въ какомъ „удобномъ хранилищѣ“ сохранялась галера „Тверь“ до 1831 года, когда всѣ учрежденія бывшаго казанскаго адмиралтейства перешли въ вѣданіе низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ. Но въ этомъ году возникло дѣло объ устройствѣ для храненія „Твери“ особаго помѣщенія и о ремонтѣ самой галеры. Изъ дошедшаго до насъ подлиннаго дѣла оказывается, что всѣми работами завѣдывалъ совѣтникъ правленія низоваго округа корабельныхъ лѣсовъ, инженеръ штабсъ-капитанъ Маслениковъ, и что весь расходъ по этимъ работамъ достигъ довольно крупной суммы въ 3.747 руб. 97 1/2 коп.

Въ 30-хъ же годахъ обратила на себя вниманіе высшаго морскаго начальства и судьба катера, на которомъ прибылъ

въ 1798 году въ Казань Императоръ Павелъ I. Дѣло это возникло совершенно случайнымъ образомъ. 31-го марта 1837 года казанскій низовой округъ корабельныхъ лѣсовъ рапортовалъ департаменту корабельныхъ лѣсовъ, что въ вѣдомствѣ его состоятъ въ городѣ Казани *девять гребныхъ судовъ*, въ числѣ которыхъ, по свидѣтельству совѣтника правленія, инженеръ-поручика Ильина, оказались: „Шлюпка двѣнадцативесельная, построенная для Государя Императора Павла Петровича въ 1797-мъ году, ветхая, и катеръ восьмивесельный, построенный въ 1823-мъ году, ветхій и починки вовсе не требующій". Относительно подлинности шлюпки Императора Павла I въ казанскомъ низовомъ округѣ корабельныхъ лѣсовъ возникло, однако же, сомнѣніе, какъ это видно изъ рапорта его въ морское министерство отъ 31 марта 1837 года: здѣсь добавляется, что шлюпка эта есть та, „на которой, по преданіямъ, какъ *нѣкоторые говорятъ*, Государь изволилъ шествовать отъ Свіяжска до Казани, а другіе говорятъ, что шествовалъ на катерѣ, а по сгорѣніи дѣлъ въ 1815 году*) выправить о семъ нельзя". Правленіе округа просило при этомъ морское министерство разрѣшить вопросъ о томъ, что дѣлать съ этою шлюпкою: хранить ли ее, вмѣстѣ съ прочими гребными судами, или разобрать? Въ отвѣтъ на этотъ рапортъ послѣдовало опредѣленіе департамента корабельныхъ лѣсовъ, въ силу котораго предписывалось ветхій катеръ—разобрать, а шлюпку, признанную тождественною съ тѣмъ именно судномъ, на которомъ прибылъ въ Казань Императоръ Павелъ I, исправить и сдѣлать для храненія ея особый сарай, согласно предписанію начальника главнаго морскаго штаба.

---

*) Въ этомъ году происходилъ пожаръ, уничтожившій большую половину города.

На этой почвѣ возникло обширное дѣло въ 149 листовъ, знакомящее насъ съ самыми мелкими деталями исторіи ремонта катера (сохраняемъ за судномъ Императора Павла это названіе, которому оно соотвѣтствуетъ по своему типу). Всѣ эти техническія и канцелярскія подробности интересовать насъ, конечно, не могутъ. Скажемъ только, что производство всѣхъ работъ было возложено на совѣтника казанскаго округа корабельныхъ лѣсовъ, корабельнаго инженера Ашихмина, который, нельзя сказать, чтобы уже очень ревностно отнесся къ этому порученію, какъ это видно изъ сохранившагося до нашихъ дней подлиннаго дѣла. Смѣта на исполненіе всѣхъ работъ составлена и утверждена была къ осени того же года: оказалось, что потребуется 580 р $57^1/_2$ к. на исправленіе самаго катера и 1,791 р. 80 к. на устройство сарая для его храненія. Цифры весьма внушительныя въ глазахъ тѣхъ, кто знаетъ размѣры катера и помнитъ тотъ жалкій, досчатый, выкрашенный охрою сарайчикъ, въ которомъ, до сравнительно еще недавняго времени, сохранялся этотъ памятникъ пребыванія въ Казани Императора Павла Петровича. То было, впрочемъ, время, про которое довольно мѣтко тогда выражались: „Дайте мнѣ казеннаго воробья прокормить—я цѣлый домъ выстрою".

Деньги для производства всѣхъ предположенныхъ работъ велѣно было заимствовать изъ строительныхъ суммъ морскаго министерства. Медленно шли эти работы. То потребныхъ инстументовъ не оказывается, то является необходимость выписать изъ Перми точильный камень для правки топоровъ (это для постройки простаго то досчатаго сарая!), то самъ производитель работъ Ашихминъ болѣетъ, а не то такъ ѣдетъ въ лѣсныя командировки, то находятъ нужнымъ сноситься съ городскою думою о существующихъ справочныхъ цѣнахъ— и по всѣмъ этимъ вопросамъ возбуждается безконечная пе-

реписка, тратится масса чернилъ и бумаги.... Только въ концѣ іюня 1839 года приторгованъ былъ весь необходимый для работъ и, въ сущности, вовсе не сложный матеріалъ, а съ весны 1840 года приступлено было и къ самымъ работамъ. Къ осени 1840 года закончены были и сооруженіе сарая, и исправленіе катера, но окраска его отложена, за позднимъ временемъ года, до весны слѣдующаго года. Такимъ образомъ, только весною 1841 года, т. е. четыре года спустя по возбужденіи самаго дѣла о томъ, выполнено было низовымъ округомъ корабельныхъ лѣсовъ порученіе, возложенное на него морскимъ министерствомъ. Но и на этомъ дѣло не остановилось: началась еще новая переписка по поводу отчетности въ выполненіи смѣты на работы, тянувшаяся до весны 1842 года.

Какъ бы то ни было, но къ началу 40-хъ годовъ и галера „Тверь“, и катеръ Императора Павла I, были реставрированы и поставлены въ два рядомъ стоящіе сарая, во дворѣ бывшаго адмиралтейства; сараи эти были хотя и неказисты, но все-таки обезпечивали историческія суда отъ разрушительнаго дѣйствія времени и погоды. Скоро, однако, эти утлыя хранилища, не подвергавшіяся, повидимому, никакому ремонту, пришли въ ветхость, а къ 80-мъ годамъ представляли собою совершенныя руины. Сарай, въ которомъ хранилась „Тверь“, покосился и грозилъ пасть и погрести подъ своими развалинами историческую галеру, на которой Императрица Екатерина II развлекалась отъ однообразія волжскаго плаванія переводомъ Мармонтеля; крыша сарая протекала, а во внутренности сарая, равно какъ и въ самой галерѣ, мирно гнѣздились цѣлыя колоніи голубей и воробьевъ,—словомъ, казанскія историческія суда находились въ полномъ забвеніи, на что настойчиво и неоднократно указывалось въ то время въ *Волжскомъ Вѣстникѣ*. Эти настойчивыя указанія не оста-

лись гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: городская дума порѣшила (въ 1888-мъ году, если не ошибаемся) выстроить новое помѣщеніе для обоихъ судовъ, въ которомъ они сохраняются и по настоящее время, охраняемыя отъ вліянія непогоды и отъ непрошенныхъ колонизаторовъ надежною желѣзною крышею и плотными ставнями въ огромныхъ окнахъ, сдѣлать для которыхъ стекольныя рамы городъ нашъ все-таки поскупился.

Галера „Тверь" и катеръ Императора Павла I хранились до 1888 года, такимъ образомъ, въ двухъ отдѣльныхъ сараяхъ. Въ настоящее время они хранятся въ одномъ помѣщеніи, причемъ катеръ поставленъ на свободную отъ надпалубныхъ построекъ часть палубы галеры.

На этихъ дняхъ мы произвели подробный осмотръ катера Императора Павла I, желая пополнить данныя, приведенныя въ нашемъ описаніи пребыванія въ Казани этого Государя.

Трудно сказать, насколько способствовалъ этому ремонтъ 1840-го года, но катеръ Императора Павла Петровича, не смотря на свои почти столѣтніе годы, прекрасно сохранился. Нѣтъ сомнѣнія, что, съ пересмотромъ корпуса и окраскою подводной его части, это судно и въ настоящее время могло бы быть свободно спущено на воду. Вотъ сдѣланныя нами измѣренія катера: длина его по килю—$38^1/_2$ футовъ ($5^1/_2$ саженъ); длина его отъ оконечности носа до задней кормовой стѣнки—$43^1/_2$ фута; ширина между бортами, въ средней части судна—7 футовъ; осадка (до ватерлиніи)—около 4 футовъ. Катеръ—двѣнадцативесельный, съ расположеніемъ уключинъ не по-парно, т. е. не одна противъ другой, но наискось, вѣроятно, для предоставленія гребцамъ полной свободы движеній. Катеръ имѣетъ 11 поперечныхъ банокъ, а въ кормо-

вой части почетное сидѣнье, съ идущими отъ него, вдоль бортовъ, до ближайшей поперечной банки, скамьями.

Корма катера украшена изображеніемъ двуглаваго орла въ золотомъ щиту; нѣсколько приподнятый и удлиненный фальшбортами носъ катера украшенъ рѣзною фигурою одноглаваго орла, съ далеко вытянутою, по направленію движенія судна, шеею.

Внутренность катера окрашена въ темно-зеленую краску и подъ бортами орнаментирована продолговатыми параллелограммами, составленными изъ золотыхъ полосокъ. Наружная часть корпуса судна обведена полосою зеленаго же цвѣта, а нижняя часть его, до ватерлиніи, окрашена въ малиновый цвѣтъ; подводная часть корпуса выкрашена бѣлилами. По бортамъ кормовой части катера видны приспособленія для закрѣпленія подставокъ балдахина или тента, которымъ, по видимому, защищены были сидѣнья Высочайшихъ путешественниковъ.

Общій видъ катера Императора Павла I — весьма изященъ. Несомнѣнно, что это судно представляетъ собою не только весьма интересный историческій памятникъ, но и любопытный, — въ настоящее время единственный, — образецъ судостроенія казанскаго адмиралтейства конца XVIII вѣка.

Къ свѣдѣнію интересующихся можемъ добавить, что какъ галера „Тверь", въ Императорской спальной каютѣ которой до сихъ поръ сохраняется кровать Императрицы Екатерины II, такъ и хранящійся съ нею катеръ Императора Павла I — совершенно доступны осмотру ихъ публикою: для этого слѣдуетъ обратиться къ караульщику, живущему въ сторожкѣ, при самомъ входѣ во дворъ бывшаго адмиралтейства, на задахъ линіи весеннихъ пристаней, рядомъ съ крупчатными заводами гг. Журавлевыхъ.

Казанскіе жители, не видавшіе этихъ двухъ интересныхъ историческихъ памятниковъ, не будутъ сожалѣть, если предпримутъ небольшую и недорогую экскурсію по указываемому нами адресу.

Н. З.

